

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

ЗАТОНУВШАЯ ЭПОХА

Гражданское неповиновение 70-х

ТРЕВОГИ ДЕМОКРАТИИ

Мнение Юрия Афанасьева

СТРАШНОЕ — ПОЗАДИ

Неврозы и здравый смысл

ISSN 0320 8001

5/90

В НОМЕРЕ:

<u>Почта</u>	
«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»	2
<u>Проблемы и суждения</u>	
Ю. АФАНАСЬЕВ. ТРЕВОГИ ДЕМОКРАТИИ	10
<u>Что было, то было</u>	
Г. ПАВЛОВСКИЙ. ОБЫСК У САМОГО СЕБЯ	15
<i>Из материалов Самиздата 70—80 годов:</i>	
В. ГАВЕЛ, П. РОСТИН, В. ПОРЕШ, А. СОЛЖЕНИЦЫН,	
Г. ПОМЕРАНЦ <i>и другие авторы</i>	18
С. ГЛУЗМАН. ВТОРЖЕНИЕ В МОЗГ	40
<u>Мы: страна в движении</u>	
Д. ФУРМАН. СТРАХ...	44

На наших обложках. Слева: Андрей Дмитриевич Сахаров. Фото Юрия РОСТА. На третьей странице обложки: пенитенциарное заведение — наши дни. Фото Владимира Куприянова.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

«Уважаемая редакция...»

Россия в полуобороте

Когда еду на автобусе из центра Москвы домой, на окраину, всякий раз встречаюсь глазами с церковью. Давно ее помню: заброшенную, ободранную, обскресченную. Бывало, неподалеку стояли остатки деревеньки, жив был и кое-кто из бывших прихожан. Дома снесены, прихожане истаяли, а приход остался. Храм уцелел. Более того, он покрылся снизу доверху строительными лесами, и вскоре — что уже вовсе чудо — зазолотился всеми тремя куполами. В свое время этот храм находился в центре жизни и с высоты птичьего полета походил, наверное, со всеми своими малыми и большими тропками и дорожками, ведущими к нему, на нейрон, от которого отходит множество нервных нитей. Потом жизнь ушла в сторону, а храм остался на обочине. Сегодня, кажется, начинаем понимать, что на обочине оказались мы сами, а он как стоял незыблемо, так и стоит. Блажен народ, созидающий храмы, темен и обездолен тот, кто не в состоянии уберечь построенное.

Замечаю, не я один тянусь в ту сторону глазами. Уже автобус минует удобную точку, а иные все оборачиваются и провожают церковь взглядом. И во взглядах этих одно и то же странное выражение: словно пытаются вспомнить что-то очень важное — и не могут, как бывает после тяжелой черепно-мозговой травмы. И это сопвпадение восстановления храма с попытками возрождения всей нашей жизни наводит на грустные и неожиданные размышления.

Для кого и для чего восстанавлива-

ются храмы? Раньше тело человека на этой грешной земле принимала бабка-повитуха, а душу встречал и провожал священник. Потом за нас решили, что души никакой нет и поэтому достаточно распорядиться с телом. И с тех пор осиротели и одичали многие души. «До основанья мы разрушим...» Как же далеко преуспели мы на этом своем мрачном пути, ставшем для всего народа поистине крестным путем. И вот наступило время жатвы. Оказалось, пока мы строили свой социализм, мир тоже не терял времени даром и не стоял на месте. Теперь открывается, что весь мир тоже, по сути, «строил социализм», — будем уж так это называть. Но происходило это с роковой для нас разницей. Если мы создавали свой социализм по догме, то весь цивилизованный мир сверял свой путь по вечным общечеловеческим ценностям — добра, справедливости и свободы. В итоге вышло, что «социализма» куда больше там, где его специально никто не «строил». Мы же, не выпуская из рук лозунгов, создали нечто, чему в истории еще предстоит дать точное определение. Возможно, страшное. Как глубоко и мудро сказал об этом Махатма Ганди: «Цели мы не знаем. Позаботьтесь о средствах, цель же позаботится о себе сама».

Итак, похоже, близится к завершению грандиозный человеческий эксперимент, имеющий, вероятно, космическое значение. Отрицательный опыт целого народа переходит уже в распоряджение всего человечества. Непомерная цена заплачена за него.

Ради чего? Ради чьего будущего? Неужели прав Петр Чаадаев, так своевременно вспомнутый на нашем первом настоящем Съезде народных депутатов, что мы существуем лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок?

Во всем этом событии съезда да и, увы, в недавних выборах меня больше всего потрясло то, до чего же, оказывается, мало у нас настоящего умных и образованных людей. Не стоит умиляться теми, кого мы увидели на самом съезде,— для наших-то просторов... Да и эти умники сохранились не благодаря созданному образу жизни, но вопреки ему. Они выжили по сути так же, как и храмы, о которых циничные прагматики объясняют коротко и просто: взрывчатки не хватило. Со снабжением ведь и тогда было не ахти.

Мне пришлось побывать на двух собраниях по выдвижению кандидатов в народные депутаты. Было выдвинуто по тридцати и более кандидатур. Удручающее зрелище! Не считая «пришлых»,—ни одной светлой головы! Никто не покори́л ораторским искусством, никто не удивил проницательным анализом состояния страны и не подсказал, как быть с бедой.

Трибуна являла одну непрерывную серость. Один выходил и предлагал послушать накануне сочиненные стихи, другой говорил: «Я вот вчера думал-думал и написал тезисы. «Что делать» называется, послушайте». Следом поднимался некий военный доцент и на одном дыхании, не отрывая глаз от бумажки, громовым голосом выкрикивал все известные на сегодня лозунги. Третий же, пятый и десятый без конца перечисляли всевозможные блага, которыми они осыпят избирателей, если те отдадут им предпочтение, словно собирались не страной управлять, а встать хлебобре́зами у некоего раздаточного

окна. И это — из полумиллиона человек! Огромный город! Да по меркам Древней Греции на такое скопище людей объявился бы не один десяток оригинальных философов, ярких личностей, мудрых государственных мужей. А тут — никого. Тотальная люмпенизация духа. До чего же капитально надо вытоптать людей, чтобы довести их до такого ужасающе посредственного состояния.

Сначала подумалось, что умники просто еще не подошли, — ведь все произошло так быстро и неожиданно... Но не может же быть, чтобы из этой-то толщи людской не объявился ни одного государственного мужа? Может, подумалось, они где-то еще сидят в ночных сторожах, изучают «Анналы» Тацита и вдруг явятся? Ведь в том и прелесть застоя, что во главе государства мог стоять человек, годный разве что в сторожа, а в сторожах томиться потенциальный глава государства.

Потом я понял — ожидать бесполезно. Так же бесполезно, как надеяться, что на измученной монокультурой земле взойдет женьшень.

Недавно, будто хлыстом по сознанию, ударило высказывание одного японского бизнесмена: в области радиоэлектроники Советский Союз отстал от Японии **навсегда**. И я снова всматриваюсь сквозь окно спешащего автобуса в этот старенький храм, так неожиданно вдруг забелевший лесами: мы еще не идем к нему, нет. Мы только обернулись на него. На эти чудом уцелевшие купола, с непобедимым упрямством устремленные к небу. Слишком позарастали все дороги, ведущие к храму. Но до чего же хочется верить, что дороги эти не потеряны навсегда.

Вячеслав ЩУКИН,
г. Москва.

«Плывущие по течению»

Так должен был называться роман, начатый лет восемь назад и оставшийся недописанным. Многие в те годы оказались недописанным, недосказанным, недопечатанным. Недожитым. Человек не дерево. Трудно жить, вдыхая углекислый газ и выдыхая кислород. Я о жи, которой мы все так долго дышали. Но, значит, были же те, кто выдыхал животительный кислород? Были. Твардовский — один из них.

В 1969 году, когда облава на Твардовского шла к своему победному финалу, я заканчивал школу в Сибири. Но я читал «Теркина на том свете», читал Эренбурга и Гроссмана, Домбровского и Искандера, и когда накупали слезы стыда и гнева, это значило, что у журнала «Новый мир» было одним солдатом больше. И в Москву я вскоре поехал не за знаниями — за тем самым кислородом, которым, казалось тогда, будем дышать вечно. Мог ли я знать, что уже перетягивают шланг?

... Говорят: не в один день Москва строилась. Не в один и разрушалась. Уничтожение старины, забвение своей истории, надругательство над правдой — все связано с распадом личности, и период этого распада охватывает десятилетия. Но стремительность, с какой этот процесс происходил в семидесятые — первой половине восьмидесятых годов, заставляет говорить о переходе количества в качество. Мы научились иронизировать и разучились смеяться, в первую очередь, над собой. Мы постигали трудную науку быть лояльными. По телефону мы говорили на таком птичьем языке, что потребовались бы годы на расшифровку. Справедливо находя газеты слишком пресными, мы взбадривали воображение тем, что читали между строк.

Но разве мы не радели, разве не болели при этом? Мы болели за «Спартак» или за киевское «Динамо», и ни на что больше сил уже просто не оставалось, а между тем отбывали

сроки те, о ком даже не догадывались слушатели «Маяка». Ах, как мы умели молчать! Принципиально и непримиримо, мучительно и с чувством собственного достоинства. Убедительнее всего мы молчали в 1956-м (речь не о съезде), в 1968-м (не о студенческих волнениях во Франции) и в 1980-м (не об Олимпиаде).

В известном смысле, «эпоха Брежнева» по своим моральным последствиям будет страшнее «эпохи Сталина». Мой дед по материнской линии был репрессирован, у меня свой счет к той эпохе, и все же, все же, все же... В годы массовых репрессий в сознании народа вера в высшую справедливость никогда не угасала. Сталин отделялся от «сталинизма» (то есть от Ягоды, Ежова, Берии и их подручных), Злу упорно противопоставлялось, как того требует здоровая человеческая природа, Добро, даром что под личиной Добра скрывалось злейшее из Зол. При Брежневе нравственные критерии сделались размытыми, черное откровенно выдавало себя за белое, и кто ловчее, умелистее это делал, срывал самые восторженные аплодисменты. Так был сделан роковой выбор: двоедушие вместо инакомыслия.

Мы не жили — существовали. Мы плыли по течению. Это был, вероятно, самый массовый заплыв в отечественной истории. Мы отвыкли от сопротивления, наши мускулы стали дряблыми, движения беспомощными. Мы перестали рассчитывать на себя — куда вынесет... Так удивительно ли, что сейчас, когда надо преодолеть пороги, когда призвали сильных, способных плыть против течения, — возникла паника?..

Вот горькое признание человека, которому за шестьдесят: «Наше поколение напугано на всю жизнь». Мое не напугано — развращено. Но и в его, и в моем поколении были такие, кого, как ни старались, не могли ни потопить, ни вышвырнуть на чужеземный берег. Был редактор Алек-

сандр Твардовский, «Трифоныч», одинокий пловец, загребавший по-крестьянски короткими мощными саженьками. Но как поэт, как гражданин он не был одинок. Были и другие. Одних мы знали в лицо, иных узнаем только теперь. Это они, инакомыслящие, во времена удручающего единомыслия, а правильнее было бы сказать — безмыслия, приближали время нового мышления. Это они, нахлебавшись вдосталь, одолевали мутную волну.

Россия всегда была страна иноков, потому и жива духом.

Я верую в то, что и в моем поколении, наглотавшемся цитат, есть иноки, поклоняющиеся одному Богу, — Правде. Но хотят ли нас услышать?

Именем КГБ

Я получил свои шесть лет (по 70-й статье) за активный протест против ввода советских войск в Афганистан, за «клеветнические» утверждения, что экономика нашей страны находится в предкризисном состоянии, а сельское хозяйство уже давно в кризисе, что в стране накоплены горы оружия и при этом жизненный уровень народа, создавшего это оружие, находится на крайне низком уровне, что полностью игнорируются все демократические права и свободы человека, что в стране жестоко преследуется любое инакомыслие.

Все эти действия имели место в начале восьмидесятых годов. Конечно, КГБ не мог не «отреагировать» на мои действия. Реакция была вполне в духе того времени. Осудили как особо опасного государственного преступника и отправили по этапу в пермские лагеря для политзаключенных. Там я имел полную возможность увидеть и услышать многих подобных мне «преступников».

Освободили нас досрочно в феврале 1987 года, но не по реабилитации.

Подхватил ли долгожданный ветер перемен наши голоса? На эти вопросы исчерпывающе, мне кажется, ответили в журнале «Знамя» тридцатипятилетнему автору: «Интересная повесть, но у нас не пройдет. У нас сейчас, сами знаете, хорошо идут мертвые». Ах, если бы вперед себя мы пропускали только Платонова или Булгакова...

Я верю, мы еще скажем свое слово. Я верую в то, что нельзя дважды (тем более трижды) войти в одну реку, чтобы снова плыть по течению. Я верую.

Сергей ТАСК,
г. Москва.

Я был поставлен перед выбором: либо просить прощения (за совершенные преступления), либо продолжать жить в лагере. Просил (как и многие другие). Великодушно простили почти всех «семидесятчиков». С реабилитацией, однако, не торопятся, наверное, очень не хочется признавать свои «ошибки», а может быть, время еще не подошло?

Вот уже более двух лет я пытаюсь добиться пересмотра своего дела на предмет реабилитации, но пока — ни малейшего успеха. Все правоохранительные органы (республиканские и союзные), в которые я обращался, ограничивались формальными отписками. Стыдно признавать, но я до настоящего времени не смог получить даже копии приговора по своему делу. После всех этих безрезультатных попыток, я все больше прихожу к мысли — а нужна ли мне эта реабилитация? Нет, граждане начальники (большие и не очень) из КГБ, она все-таки больше нужна вам всем!

Судил меня, фактически, запорожский областной КГБ в помещении

Запорожского областного суда и от имени последнего. Авторы тринадцати томов моего дела — это следователи запорожского КГБ: майор Пристайко В. И. и майор Гребченко И. П. А судьи кто? Да это не имело и не имеет никакого значения. Судил КГБ. В процессе следствия по отношению ко мне применялись всевозможные методы психологического и физического воздействия — угрозы,

шантаж, обман и даже пытки — правда, не руками следователей, а руками уголовных преступников, с которыми меня держали в одной камере в течение всего периода следствия. По чьей указке ко мне применялись методы физического воздействия — не вызывает никаких сомнений.

Валерий ОСТРЕНКО,
г. Рига.

Следственных дел мастера

В заметке «И вновь о Быковне» от 4 октября 1989 года собственный корреспондент «Литературной газеты» Сергей Киселев туманно пишет о каких-то силах, препятствующих проведению объективного расследования быковнянских событий. Он зато упоминает о следователе по особо важным делам при прокуратуре Киева В. Игнатъеве, который «честно и мужественно занимался быковнянским делом».

... 4 июня 1986 года я был арестован по статье 187-1 УК УССР (аналог статьи 190-1 УК РСФСР), одной из нескольких политических статей советского Уголовного кодекса тех лет.

В квартиру ворвались лица в штатском во главе с Владимиром Константиновичем Игнатъевым. Этот бравый на вид мужчина доблестно воспрепятствовал престарелой хозяйке попрощаться со мной, и от его профессиональной хватки у 82-летней монахини остался огромный кровоподтек на руке.

Меня втолкнули в машину и повезли «по месту жительства».

По дороге Игнатъев улыбался: «Ты что-то волнуешься, Паша. Нервничайешь». Я требую объяснить, на каком основании подвергся нападению, требую предъявить санкции. «Плохо собой владеешь, Паша», — усмехается следователь.

Во дворе дома я начинаю кричать и звать на помощь, кричу о том, что вновь развязан террор против народа. Санкции не предъявляют. Заломив руки, втискивают в полуразваленный лифт. Сопровождающих четверо. Игнатъев, стоя ко мне спиной, вдруг захватывает пятерней мою ногу в области паха и сжимает ее. «Что вы делаете?!» Ответом — лишь дребезжание поднимающейся кабины и нарастающая боль. Продолжает жать. Я — к понятным, они отворачивают глаза.

Лишь перед дверью квартиры на мгновение суют в глаза какую-то бумагу. Затем следует многочасовое копание в книгах, домашнем скарбе, обыск, арест. Своим поведением (и на обыске, и в дальнейшем, при кратких встречах на допросах) Игнатъев всячески стремился подчеркнуть, что грубая сила государственного насилия, стоящая за ним, и есть та правда, которую мне предстоит отныне признать или быть раздавленным.

Следственная группа, которую возглавил Игнатъев, шесть месяцев изучала изъятые рукописи, черновики, бумаги, стремясь представить уголовным преступлением право личности жить и писать по убеждениям. Вот примеры правового мышления и стиля Игнатъева, взятые из 34-страничного «Обвинительного заключения»:

«Расследованием установлено, что Проценко вследствие переоценки своей личности под влиянием прочитанной, нелегально доставленной в СССР литературы систематически изготовлял произведения, содержащие заведомо ложные измышления... В ходе следствия от дачи показаний отказался, виновным себя не признал, а доказательства, предъявленные ему, назвал «фабрикацией дела», таким образом пытался показать, что является просто верующим гражданином, хотя на самом деле его деятельность носила явно антиобщественный характер».

Язык этого «юридического» документа—это язык машины, сбитой Вышинским и другими мастерами заплочных дел. В ее беззаконном ритме и действовал Игнатъев, где мог, старался унижить, ошеломить месячной экспертизой в психушке или соседством с рецидивистом-уголовником в камере, лишний раз обмануть, причинить боль родственникам, не допустить к суду адвоката, в порядочности которого я был уверен, и так далее и тому подобное.

Здесь важно отметить следующий факт—для меня, как для участника правозащитного движения, безусловный — политические дела вел КГБ, однако для удобства он пользовался и услугами прокуратуры, в среде которой подбирались люди, услужливо готовые закрыть глаза на грязную работу. Такие же лица, согласные на все, имеются и в судебной системе, и на всех ступенях правового устройства в стране.

Явным образом, согласно официальному постановлению, в следственную группу ввели капитана киевского УКГБ Дашко В. И., именно его ведомство было руководящей силой данного дела. Разнообразные чины в голубых кантах в нескольких городах страны производили обыски, незаконные задержания и несанкционированные допросы с одной целью—

найти материал для своих фантастических версий (меня хотели представить, в частности, главой подпольной религиозной молодежной организации Украины). Мечты их рассыпались, материал пришлось притягивать за уши с помощью пещерных идеологических инструкций.

В мою защиту тогда выступили многие писатели: В. Каверин, В. Астафьев, Е. Евтушенко и другие. Что же в это время, в период уже начавшейся перестройки, делал В. Игнатъев, следовательно по особо важным делам? С удвоенной энергией терзал на допросах новых свидетелей, усиленно дорабатывал «дело».

Приговор по нему был отменен Верховным Судом УССР как недоказанный, явление для политических процессов уникальное. Несмотря на это, Игнатъев, не забытый своими покровителями, получил повышение—чин советника юстиции (приблизительно соответствующий званию подполковника).

Одинаковая и равно странная картина наблюдается нынче в разных сферах нашей жизни. Сказано слово правды о развале народного хозяйства, ан, глядь, руководство по восстановлению какой-нибудь разоренной его отрасли поручено новому Чичикову; заявлено о преступлениях в органах правопорядка, а в них по-прежнему на командной должности Ноздрев, и примерам этим несть числа. Именно в этой грозной бессмыслице, на корню подрывающей стремление общества к очищению от кровавых злодеяний, кроется бесплодие следственных усилий в раскрытии преступлений, совершенных в Быковне, Куропатах и других местах истерзанной страны.

**Павел ПРОЦЕНКО,
г.Электросталь Московской
области.**

Демократический нацизм?

В столкновении местных, региональных Советов с нашими социалистическими монополиями многие критики выделяют прежде всего один аспект — угнетение Центром национальных культур. И решать его намерены путем усиления национальной государственности. Однако противоречия между монополиями и местными Советами в равной мере затрагивают все многонациональное население каждого региона, весь его народ. «Национальные» мифы в политике превращают демократические движения в нацистские.

Довольно часто в качестве противовеса диктату союзных министерств выставляют требование национального суверенитета. При этом право народа трактуется как право нации. Эта путаница в нашей стране имеет свою предисторию. Еще первая наша Конституция РСФСР (ст. 2) говорила: «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик».

В статье четвертой Конституции 1924 года, в статье 17 Конституции 1936 года и в статье 72 действующей Конституции также утверждается **право наций** на самоопределение.

Однако ратифицированные от имени СССР Президиумом Верховного Совета СССР Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах, требуют права на самоопределение, так как: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие».

Соответствует ли наше внутреннее законодательство нашим международным договорам? Можно ли трактовать **право народа** на самоопределение, как **право нации**? Такая трактовка создает привилегирован-

ную «коренную» нацию и лишает принадлежности к народу все многонациональное население какого-либо региона. Только **весь народ**, независимо от своей национальности, путем всенародного референдума может решать вопросы самоопределения своей республики, своей земли.

Можно ли решать национальные проблемы введением государственного языка, установлением особого гражданства для «коренных», выселением мигрантов, введением ценза оседлости? Да, монополизация экономики, диктат производителя привели к монополизации и в сфере языкового общения. Но стоит ли заменять монополию на сегрегацию? Для рыночной экономики язык — побочная проблема. Потребуется увеличить рынок сбыта — выучите новый язык или найдите переводчика.

Ограничение миграции — это, конечно, сильный способ решения социальных проблем! Однако, на мой взгляд, ограничения свободы передвижения, прикрепления граждан к определенной местности — это из области национал-феодализма.

Не должно ли государство быть отстранено от регулирования этого круга вопросов? Можно ли государственным методом решать вопросы культуры? Можно ли развивать культуру, создавая ей привилегии за счет других культур? Культура ли вообще это будет?

Проверить недолго: загляните в списки Нобелевских лауреатов. Много ли там подданных из тех стран, где культура «процветает под охраной государства»?

Для чего вообще можно использовать сведения о национальности, если не для дискриминации? Я не вижу другой цели. Что для нас важнее — сохранить чистоту расы или сохранить и развить национальную культуру?

Государственными, директивными методами национальных проблем не решить. Эти проблемы решаются не государством, а обществом.

Всякие упоминания о национальности из государственных документов пора исключить. Любой общественной группе в любом регионе страны должна быть предоставлена возможность развивать любую национальную культуру, по их собственному выбору. Никакое насилие, никакое вмешательство государства в национальные дела так же недопустимо, как и в религиозные. Для защиты граждан от дискриминации в сфере свободы совести церковь отделена от государства, всякие упоминания о вероисповедании из государственных документов исключены. То же самое следует сделать и в сфере национальных отношений.

Иногда говорят, что отделение национальности от государства, исключение графы «национальность» из государственных документов равносильно для человека потере самой национальности. Отмена графы в паспорте не отменит национальной культуры гражданина (если она имеется). Наличие графы не сохранит национальной культуры, потому что каждый человек, независимо от анкетных данных сам определяет свою принадлежность к нации и культуре.

Возникает вопрос — как же быть с нашей национальной государственностью? Как быть, например, с Советом Национальностей? Почему татары, которых в два раза больше, чем литовцев, выбирают в Совет Национальностей меньше депутатов? Или якуты выбирают, а греки, которых больше, чем якутов, участвуют в выборах лишь в составе национально-

государственных образований других народов? Иногда предлагают уравнять в правах все народы и ввести систему один народ — один представитель. Если сохранять такую конструкцию, как Совет Национальностей, подобная эволюция совершенно необходима. Однако само существование Совета Национальностей — источник противоречий.

Нам нужен не Совет Национальностей, а **Совет Республик**. Возьмем, к примеру, Татарскую АССР. Совершенно непонятно, почему Татария, несмотря на то, что татар здесь меньше половины населения, имеет своих депутатов в Совете Национальностей, а соседняя Ульяновская область, где проживает по крайней мере четыре крупных этнических группы, и нерусское население составляет существенную часть — около четверти, лишена такой возможности и участвует в выборах в этот Совет лишь в составе Российской Федерации? Пора устранить этот постоянный источник национальных противоречий.

Необходимо отделить национальность от государства.

Необходимо преобразовать Совет Национальностей в Совет Республик.

Необходимо установить равное количество депутатов, избираемых в Совет Республик каждой Союзной Республикой, независимо от ее внутреннего деления и размеров. Это положит конец отождествлению Союза с Российской Империей, и превратит мнимую «республику РСФСР» в реальное государственное образование.

*Андрей МАЛЬЦЕВ,
г. Казань.*

ЧТО ПОЖИНАЕМ

Юрий АФАНАСЬЕВ

На исходе пятого года перестройки неожиданно для многих выявилось, что главные беды и трудности пришли к нам совсем не с той стороны, не из той сферы, откуда их, казалось бы, — вполне естественно — следовало ожидать.

Еще совсем недавно все мы, оставаясь реалистами, были убеждены, что очень трудно преодолеть, коренным образом изменить политическую систему всевластия аппарата КПСС. Какой-то сдвиг здесь, вроде бы, наметился. Но и теперь еще в отношении этой сферы нашей действительности никаких оснований для эйфории нет. Декларативно отказываясь от претензии на монопольную власть, КПСС фактически вовсе не намерена уйти с авансены политической жизни. Она по-прежнему цепко удерживает фундамент своего политического всемогущества — партийно-государственную монополию собственности на землю, на средства производства, на результаты труда людей, на информацию. И сегодня мы все еще вынуждены, например, довольствоваться ублюдочной гласностью вместо свободы слова, гласностью, границы которой периодически корректируют все тот же аппарат и персонально М. Горбачев. И все-таки наша политическая тоталитарно-авторитарная система сегодня уже не представляется в виде вечной. Хоть какие-то проблески надежды с ростом демократи-

ческих сил в последнее время здесь появились.

Невероятно трудным нам представлялось и преобразование искусственно созданной огосударственной экономики с ее тотальным централизованным планированием, с всевластием гигантских ведомств и министерств. И здесь мы далеки еще от реальных сдвигов, мы все еще топчемся на месте, примеряемся, боясь, как бы нам в ходе разрушения дряхлого нежизненного экономического монстра не лишиться нашей социалистической девственности. Трудности остаются огромными, беды — непредсказуемыми. И здесь непросто — из-за продолжающегося развала экономики — посмотреть на эти трудности как на преодолимые. И все-таки и здесь, как мне кажется, мы начали избавляться от ощущения беспросветности. Конечно, это еще далеко не свет в конце тоннеля. Это всего лишь надежда на возможность начать. Мало? Конечно. Но и это в наших условиях кое-что — ведь совсем еще недавно мы были абсолютно уверены, что «мы впереди планеты всей», по крайней мере, по своим возможностям. Так что уложим и этот полупрозрачный сдвиг в копилку перестройки.

Продолжает ухудшаться и наиболее общий социально-психологический фон происходящих в стране событий: население в большинстве

своем утрачивает или уже утратило доверие к перестройке, считая ее преимущественно словесной. Многие разуверились в Михаиле Горбачеве. Грозный кризис доверия, открытое недовольство и раздражение нарастают с каждым днем.

Но основная беда пришла в наш дом со стороны, казавшейся до недавнего времени наиболее благополучной, — со стороны национальной.

Эта беда вломилась к нам двумя типами событий с одинаково кровавым исходом: в виде сотен вспышек межнациональной вражды и в виде крепнущего с каждым днем откровенного противостояния национальных республик союзному центру. При этом как межнациональные конфликты, углубляясь и не получая разрешения, оборачиваются в конце концов враждой обеих конфликтующих сторон к центру (например, в армяно-азербайджанском случае), так и противоборство республик с центром ведет к межнациональной вражде (например, прибалты — русские и русскоязычные). Эта беда пришла к нам столь же неожиданно, как неожиданным для марксистов оказался стремительный распад мировой колониальной системы. Тогда, в 60-е годы, мы радовались этому, пусть и неожиданному для нас, но все-таки положительному всемирно-историческому факту. Ведь то была беда не в наш дом. Тогда мы считали: это — их беда. Она нам — в доход, к нам она — чистым плюсом. Себя мы всегда считали гарантированными от подобного рода напастей, ведь у нас на сей счет своего рода иммунитет в виде интернационализма, вечной братской дружбы народов и т. п. Мы даже изобрели, как нам казалось, совершенно безотказное лекарство от распада — новый идеологический этноним — «советский народ». Не помогло. В СССР запылал огромный пожар национальных войн.

Столкнувшись с проблемой, которой по всем марксистским понятиям у нас на пути просто-напросто не должно было быть, инициаторы перестройки растерялись, и до сих пор не могут ее даже толком квалифицировать, пережевывая всякого рода «национализмы», «конфликты», «сепаратизмы» и пр. Все еще не хватает духу произнести слова, адекватные происходящему: крушение последней мировой империи, соединенное с агонией сталинской системы в самом ее заветном пункте, в самом сталинском из всего сталинского.

Чтобы пояснить это утверждение, вернемся на минуту к самым истокам.

Декабрь 1922 года. Ленин уходит в болезнь, из которой уже не выйдет. Но мысль его еще пульсирует, и он пытается еще сохранить контроль над процессом. 30 декабря открывается Съезд советов для решения вопроса о союзном устройстве. Вроде бы сталинская автономия терпит крах и проходит его, Ленина, вариант национально-государственного устройства: не в РСФСР все входят на правах автономии, как предусматривалось по-сталински, а на равных договорных началах все республики объединяются в Союз. Казалось бы, можно торжествовать. Но именно в этот день Ленин диктует свое апокалиптическое — иначе не назовешь — письмо «К вопросу о национальностях или об «автономизации», которое начинается словами: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик». Все письмо пронизано тревогой, ощущением неминуемого катастрофического исхода. Более того, 31 декабря Ленин возвращается к этой теме и приходит

к мысли, что на следующем Съезде советов надо бы вернуться к вопросу о союзном устройстве и пересмотреть его, оставив за Союзом только дипломатические и военные функции. Таким образом, Ленин считал даже разработанный им самим способ союзного устройства забеганием вперед, непозволительным форсированием событий.

Итак, уже в момент образования СССР Ленин осознавал нежизненность, более того — взрывоопасность подобного образования, видел, что закладывается будущий национальный Кронштадт. Он понимал, что если даже **официально** все будет решено именно так, как он сам предлагал, **фактически** все будет иначе, что в итоге все воплотится в пресловутую автономию, в господство центра над республиками, поскольку фактически союзное устройство станет делом рук сложившегося уже к тому времени советского аппарата — делом «великоросса шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский, бюрократ». (ПСС, т. 45, с. 357). Он понимал, что по этой же причине все, что угодно — даже право на выход из Союза — превратится в простую бумажку, прикрывающую великодержавный произвол русского держиморды. В отличие от Сталина и ему подобных, Ленин начинал понимать и то, что социальное и национальное сознание развиваются в ритмах, присущих каждому из них, что надо поэтому считаться с умонастроениями, с менталитетом наций и народов, что эти реальности нельзя изменить по воле партии, даже если эта партия большевистская.

Все это Ленин понимал или начинал понимать. Но в главном заблуждался и он. Для него национальный вопрос, в том числе и устройство Союза, никогда не представлялся как самостоятельная проблема. Он всеи-

да подчинял этот вопрос интересам пролетарской классовой солидарности, а задачи союзного устройства — задачам борьбы с всемирной буржуазией. Национальные различия для него — это всего лишь препятствия на пути к мировой революции, а способ союзного устройства — модель, которая была бы пригодна для всех наций и государств, продвигающихся по этому пути.

Таким образом, уже у истоков СССР, в ходе заложения его фундамента, когда всем участникам этого события казалось, что они отыскивают лучший способ решения национального вопроса, фактически закладывалась огромная бомба замедленного действия. Помыслы всех героев той драмы были устремлены не к нормальному сожительству природой и историей сближенных народов, а к попытке воздвигнуть на всем огромном евразийском пространстве новое человеческое сообщество, скрепленное единой для всех социальной целью и классовой солидарностью. Сколь бы различно эта цель ни формулировалась — по троцкистско-ленински — в виде начала и стимулирования мировой революции или же по сталински — в виде социализма в одной стране — результат ее реализации предполагал единовременное выравнивание разных уровней развития многих народов и усреднение разных наций, культур, цивилизаций по одной для всех матрице. Средством достижения такой цели могло стать лишь одно — массовое насилие. Глубокая утопичность цели (общество всеобщего равенства) и метода ее достижения (исторически отживающее внеэкономическое принуждение) предопределили изначальную обреченность Союза.

Уже накануне и в ходе образования СССР собственно национальные интересы, будучи подчиненными классовым, политическим, или игнориро-

вались, или грубо попирались. Армения и Азербайджан были разрезаны по живому телу, и их этнические территории были отданы Турции и Ирану; Нагорный Карабах с армянским населением включили в состав Азербайджана; военной силой уничтожали социал-демократическое правительство Грузии, а вместе с ним и суверенитет этой республики; под видом борьбы с контрреволюционным басмачеством уничтожали национальную интеллигенцию в Средней Азии и т. п.

Всему этому предшествовали многие столетия российской истории, давшие нам богатое наследие, в котором и взаимообогащение наций и народов, но и леденящее душу угнетение. Уже до 1917 года имперское подавление любых проявлений национализма стало одной из главных государственных задач. Из наших исторических изысканий выпало одно знаменательное на сей счет явление. Армия, мобилизованная, в принципе, для борьбы с внешним врагом и насчитывавшая тогда 15 миллионов человек, между двумя революциями, между 1905 и 1917 гг., была переключена на войну на внутреннем фронте, то есть на войну против народов царской империи, на подавление массового крестьянского и национального движения. По решению Совета государственной обороны войска были отведены из приграничных округов и распределены по 49 внутренним губерниям. Таков итог нашей многовековой имперской истории.

После образования СССР пошли социалистические десятилетия — тоже разные. Было и обретение письменности многими народами, формирование их государственности. Но при всем этом верх взяла беспощадная, доходящая до геноцида сталинская унификация. Достаточно в этой связи напомнить о всем хорошо известных депортациях целых народов

с их исконных этнических территорий по принципу коллективной ответственности. Достаточно напомнить о факте, куда менее известном, — о сталинской борьбе с многоцивилизационной Россией — не только с крестьянством в ней, не только с верой и обычаем, но с тем естественно сформировавшимся кружевом российских земель, которое было упразднено в ходе так называемой административно-территориальной реформы, начавшейся в 1923 году. Была уничтожена Россия земель и земств, краев, обществ, волостей, наиболее приближенных к человеку и его опыту. И вот теперь мы принимаем сталинскую карту страны за основу перестройки, принимаем за историческую данность этот унифицированный, усредненный массив.

Главный источник напряженности сегодня — в недостаточном осознании как на уровне официальной государственной политики, так и на уровне массовой психологии того капитальнейшего факта, что СССР — это не страна, это не государство. Евразийское пространство, обозначенное на карте мира этими буквами и называвшееся ранее Российской империей, — это мир миров, это разные культуры и цивилизации, это соседство множества стран и государств, уставших от своего колониального и колонизаторского прошлого, истерзанных и униженных сталинским унификаторством.

На все это тяжким грузом непоправимости наложились многочисленные ошибки, сделанные за последние два-три года. Каждая из них проистекает из попытки нынешнего руководства во главе с Михаилом Горбачевым уйти от кардинального изменения союзного устройства.

Что же нам мешает приступить к разрешению национальной проблемы? Наши нынешние руководители, как и многие рядовые люди, все еще

совершенно не могут и не хотят понять ее масштаб и катастрофический ее характер. «Не могут» при этом переходит в «не хотят». Нам все еще никак не дается мысль, что СССР как страна, как держава не имеет будущего. Главным вождением каждого из сосуществующих здесь миров остается **суверенность**.

Отсюда самообман: причины полыхающего в СССР пожара межнациональной вражды и мощного возрастания противостояний центру усматриваются совсем не там, откуда они в действительности проистекают. Конечно же, есть мафии, есть кланы. Конечно же, везде оказываются экстремисты, подстрекатели и т. п. Но коренные причины глубже. Если не усмотреть, что в национализме сегодня замешаны народы, то всегда будет проводиться подгонка всех национальных движений под такие формы, в отношении которых наиболее «законным» и, более того, единственно возможным будет применение силы.

Руководство СССР загоняет само себя все дальше в угол, будучи неспособным преодолеть ложную дилемму: фундаментальный пересмотр принципов национально-государственного устройства — это анархия, сепаратизм, распад. На деле получается так, что, не решая коренным образом будущее евразийского сожительства, мы фактически сейчас подталкиваем республики к выходу из СССР. В таком направлении оказались уже вынуждены двигаться республики Прибалтики. Но это движение может захватить и других. Ведь альтернатива выходу — только перспектива национально-государственной самостоятельности и политической независимости.

Национальная проблема стала на сегодня всеохватывающей. Она вобрала в себя — и не могла не вообрать — все остальные проблемы, в том числе и экономические: вопрос о

собственности, например, может сейчас решаться только как вопрос о соотношении собственности суверенных народов — государств и того, что они делегируют как часть своей собственности в распоряжение союзного центра. То же самое — с урегулированием локальных межнациональных конфликтов: можно до бесконечности рассматривать в Верховном Совете, например, закавказскую проблему. Причины и следствия армяно-азербайджанского конфликта здесь уже столько раз поменялись местами, а каждая причина и каждое следствие уже настолько в крови, что если рассматривать их только применительно к данному региону, мы будем лишь уходить все дальше от действительных проблем, составляющих основу нашего выживания. То же самое — с идеей президентства без всеобщих, прямых и альтернативных выборов, без сильного парламента и при нерешенности союзного устройства. У многих из нас все еще теплится надежда справиться со всем множеством трудностей, с уймой навалившихся на нас проблем привычным для нас способом — с помощью силы, на этот раз переданной в распоряжение Президента. Таков драматизм и даже трагизм современной ситуации: нам бы вперед, к деимпериализации, а мы, как кролик к удаву, снова к централизации, к диктатуре, на этот раз в форме президентства. Президент разваливающегося СССР может быть только его диктатором.

Наконец, самое важное. Нам надо сообразовать свой сегодняшний день с мировым сообществом. Иначе мы невзначай, в качестве самораспадающейся последней мировой империи, можем взорвать весь мир. Если мы только начинаем осознавать подлинные масштабы последствий «мирной» чернойбыльской катастрофы, то кто может оценить глобальное воздействие тактической ракеты, запущенной

(Окончание на стр. 48.)

Обыск у самого себя

ЗАМЕТКА О РАЗВОРОВАННОМ ВРЕМЕНИ

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

— Почему сейчас, когда дело гласности восторжествовало, — именно сейчас диссидентское движение приобрело такие массовые формы? (Из газеты. Февраль 1990. Вопрос корреспондента)

Я часто думаю, для чего пресса лжет, — не исключая прогрессивной и альтернативной прессы? Для чего продолжает врать пресса, которую, в сущности, кроме подписчика, никто больше за язык не тянет?

Империя рухнула, оставив после себя горы плохих детских игрушек, привычных монументов и брошюр, которые никто уже не прочтет. Игрушки станут землей — не скоро, по мере распада синтетики; железо проржавеет быстрее. Книги, заполняющие по сей день любой из книжных магазинов СССР, раскроют разве что узкие специалисты лет через полста...

И вот, можно обсуждать вслух все, что реально происходит в стране и мире с любым из нас. Можно совершенно открыто исследовать все, с чем сегодня — сейчас, немедленно — приходится что-то делать. С чем уже и пытаются что-то делать то там, то здесь — в этой очень большой стране, и как ни мал эффект этих разных попыток, в каждой из них есть толк... Но разговор об этом не получается: его некому слушать. Страна, получив

возможность обсуждать свои действительные проблемы, ринулась в область магов и ворожеек, настаивая на своем праве на чудеса.

И маги есть. Маги жаждут. Дитя, — говорят они, — верь, не думай. Прежде ты был коммунист и товарищ, но сегодня ты уже социал-демократ — почти кадет, без пяти минут господин. В общем, жмите эту руку, мадам! Еще вчера то была рука негодяя, но сегодня это рука честного человека!

Я листаю горделивые передовые Мальчика-с-пальчик и страстные прокламации Храброго Портняжки — людей, не вовсе мне неизвестных в старые времена. Но вижу — эти не лгут. Они искренне ненавидят то, на что вчера собирали членские взносы, — и отчего бы им не поверить? Они и тогда искренне все ненавидели. Они ненавидели то, чем унижали себя и нас всех, — свою беспардонную ложь, ложь без пафоса. Ведь мы и тогда чуяли — товарищи лгут. Товарищи, собственно говоря, куда большие антикоммунисты, чем те, за кем они

высылают конвой. Собственно, это и было наиболее рвотным в той жизни — не сама идеология, а идеология как форма цинизма.

Теперь никому нет нужды таиться — ни бывшим циникам, ни их под-

следственным. Они выворачивают наружу свое неверие, торопясь обменять его на дешевою рублю. Они безбоязненно развертывают над страной стяг с надписью: «Все — дерьмо!» и строго спрашивают: «Кто не с нами?»

* * *

«Вот тогда-то все и поняли, советская эротизация стала настоящим движением протеста... Оказалось, что почти все московские проститутки имеют высшее или среднее образование, что для них важны не столько валюта или рубли, сколько желание хоть как-то выразить свою женскую суть» (Из той же газеты).

Во времена, когда проститутки работают в знак протеста, когда массы «диссидентов», предводительствуемые следователями, смело выходят на улицы, останавливая движение транспорта, — и грузовики с беженцами, прибывающие из новой горячей точки СССР, объезжают Москву по окружной — в эти светлые времена, о которых мечтали наши лучшие люди, можно позволить себе расслабиться и несколько порассуждать.

Например, отчего восстановление памяти о проклятом сталинском прошлом сопровождалось ликвидацией памяти о недавнем — брежневском? В интимных подробностях рассказаны Шестидесятые годы и даже Двадцатые (последние, правда, более в анекдотах и урывках из самиздата Семидесятых), а Семидесятые где?

«Эпоха застоя»: перефразированные «несокрушимые устои нашей жизни» — фраза из тех самых лет. Еще помнится, следователи очень любили приговаривать: наш строй простоит тысячу лет! Но ведь сами они жили минутой — и сиюминутной инструкцией; стало быть, ввали. А большинство жило нормальной — как? Для чего вычеркнуты были из памяти

гласности проявления этой нормальности? В частности инакомыслие — своего рода, норма тех лет.

Восстановление исторической справедливости в эпоху перестройки приобрело несомненное сходство с актами административной власти. Шумно реабилитировали мертвых, все далее уходя вглубь веков, — тихо и бесправно амнистировали живых, судимых за острое словцо, за писульки. Набирая размах, но при этом избирательно обходя неудобных, реабилитация подобралась к жертвам ЧК, но отнюдь не остановилась на этом. Наиболее именитых из посмертно реабилитируемых тут же вводили в ново-созданные демократические выборные органы, как Высоцкого или Пастернака. Выпущенных же по амнистии книжечеев не очень-то и прописывали в собственных домах. Что же касается их времени, их эпохи, — инакомыслящих как сообщества Семидесятых, как языка, этоса и культуры...

Оставьте бессмысленные мечтания, господа! Занимайтесь чем-нибудь идейно выдержанным: Столыпиным, Чайновым, на худой конец — генералом Власовым.

Из почты редакции

«Нашему поколению выпала редкая удача — присутствовать при разрушении одного из самых свирепых учений — марксизма-ленинизма. Призрак антикоммунизма бродит по Восточной Европе. Господи, неужели дождались?!» (А. Ч., член КПСС, г. Харьков)

«С тотальным режимом покончено навсегда. Нас ждет Свобода, Равенство, Братство. Теперь надо быть до конца последовательными. Вернуть японцам Курилы, и другие острова, какие попросят. Немцам вернуть Восточную Пруссию... Вернуть все захваченные земли, если на них претендуют другие народы». (В. С., ветеран, г. Ленинград)

«О, Америка — страна свободы! Дарует ли коммунистическое правительство нам, своим подданным, те же права, что у американцев?» (Д. М., г. Красноярск)

«Аппаратчик! Вы параноик — внешне нормальный человек. Вы — шизопараноидальный аппаратчик... Вы большевик!» (А. Ш., г. Волгоград)

«Итак, в нашем обществе господствующим является класс низкоквалифицированных работников. Представителей его можно назвать **хамами** или **быдлом**... Просто удивительно, как правильный выбор терминов проясняет мысли!» (Э. М., г. Ленинград)

* * *

Великая духовная эпоха 60—70-х годов прожита. Именно в эти годы беспричинно, как тогда казалось, восстановилась человеческая индивидуальность, покинутая одновременно народом и «мастерами культуры», — но решившая выжить, не теряя себя. Великие открытия ждали каждого, кто был задет этим действием и этим

примером. Большой правды о себе, чем та, что мы узнали в Семидесятые, когда всего лишь несколько тысяч мужчин и женщин в этой стране пристально вглядывались в прошлое и пытались словом и поступками ответить на его вызов, — а власть унижала их и пыталась их растлить — большей правды в этом веке мы уже не узнаем. Тут никакая свобода писать не поможет, да и свобода взята в те годы, а не дарована в эти. Не теперь Россия прочитала Платонова, Шаламова, Пастернака, Солженицына — она ими зачитывалась во времена, когда все торопилось глядеть хоккей. Теперь же только дочитывает, да невнимательно и невпопад.

Забыто время, забыт опыт, забыт язык. Раскиданы, измотаны — и большей частью забыты — люди тех лет. Но они состоялись вполне, и этот опыт ждет, пока истощится и сотрется вдрызг погоняемая пластинка гласности. Сленг Шестидесятых, стилизованный под здравомыслие эры хоккея и БАМа: экономике — быть экономной, прогрессу — быть прогрессивным, перестройке — быть радикальной, демократии — демократической, и т. д. А народ, как и тогда, — один...

Папиросный дым самиздата осел на стеллажах КГБ либо вылетел в трубы того же ведомства. «У нас все сохранится лучше, чем у вас», — говорил, помнится, кто-то из их шутников. В этом низизме есть свой резон — не тот лишь, что в братской могиле лежать лучше среди своих.

Те следственные досье и тома судебных дел, как ни странно, цельнее духовно наших современных толстых журналов. Мандельштам и Бердяев сброшюрованы там с их учениками и наследниками — Анатолием Марченко, Иосифом Бродским, Андреем Са-

харовым. Свои не просто среди своих — они в диалоге, в нравственной переключке, которая, собственно, и является прямой формой наследования. Политика, религия, лирика — все в прочной связи, настолько прочной, что верность ей заводила человека далеко, в переделки, известные другим только по книгам: а дело было совсем недавно, рядом с дискотеками и вычислительными центрами. И отречение человека от этой связи — чего, собственно, и добивались тогдашние следственные психологи (еще не зная, что, избыточная отщепенцев, они закаляют себя к близкой борьбе с мафией...) — стоило душе слабых дороже, чем их предкам пальба по церквям.

Из многих гор изъятого в тех обычаях самиздата, две-три папки вернулись — и позволяют расшифровать некоторые из строчек перечисленного в протоколах изъятия «материалов и документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй».

Эти протоколы, кстати сказать, сами по себе увлекательное чтение. Например: «№ 3. Статья без названия. Исполнена на белой бумаге на 33 ли-

стах, на пишущей машинке. Шрифт, вернее оттиск шрифта черный. Статья начинается словами: «На фотографии — высветленное трагическое лицо, высветленная рука с сигаретой на темном, почти черном фоне. Надпись: дорогим моим Рае и Лева — а помните, каким я был молодым? А вот какой я замечательный старый. Но так же любящий вас Александр Галич. 29 января 1974 года».

Или: «№ 36. Лист белой бумаги, на котором написано красной краской: жили-были дед да баба, ели кашу с молоком»

Или: «№ 69. Осип Манделъштам. Четвертая проза. Начинается: Веньямин Федорович... Заканчивается: собака лает, ветер носит.

...136. Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб 1906...» и т. д. и т. п. Все это кануло в небытие, и не вернется. Но то немногое, что избежало истребительных «архивов», само по себе достойно воспроизведения в том порядке, в каком оно некогда отбиралось и подшивалось.

Пунктир традиции ненасилия. Надо ли дожидаться указов о реабилитации, чтобы отыскать его обрыв — и двинуться дальше от этого места в мир?

* * *

Из протокола обыска: «Машинописный текст на 6 стр. с рукописной правкой: «Вацлав Гавел. Жить в правде. Перевод с французского...»

Жить в правде

Вацлав ГАВЕЛ

ПРИЗРАК ДИССИДЕНТСТВА.

Призрак, именуемый на Западе «диссидентством», бродит по Восточной Европе.

Кто эти «диссиденты»? Какова их

позиция и конечная цель? В чем состоят их «независимые инициативы» и велик ли их шанс осуществиться? Применим ли в данном контексте термин «оппозиция»? Если да, каковы

ее действия и ее роль в обществе? Чего можно ожидать от «диссидентов» и каковы их чаяния? Сумеют ли они воздействовать на общество и устоявшийся порядок, учитывая их отстраненность от всей структуры власти? Способны ли они что-то сделать вообще?

СЦЕПКА ЛИЦЕМЕРИЯ И ЛЖИ.

Размышления о возможном влиянии «бессильных» лучше всего начать рассуждением о природе власти и условий, в которых им приходится действовать.

Посттоталитарная система, напавшая на себя идеологические перчатки, превращает каждый шаг человека в смесь лицемерия и лжи.

Человек вовсе не обязан верить во все эти фокусы, но он должен вести себя так, будто верит во все или, на худой конец, терпеть молча, уживаясь с теми, кто им правит. С этого момента ему приходится **жить во лжи**. Сосуществуя с ложью, он укрепляет систему, придает ей смысл и сам оказывается ее **составной частью**.

Но сущность человека действует как подрывная сила по отношению к его бытию. Жизнь **в правде** проступает сквозь контуры жизни «во лжи» исподволь, — как альтернатива в виде намерения.

ПОДСПУДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА.

Под упорядоченной оболочкой «жизни во лжи» скрывается темный мир намерений, пронизанный желанием понять истину, которая ускользает из поля зрения.

Эта взрывная и странная, не поддаю-

щаяся подсчету политическая сила, которая управляет «жизнью в правде», и становится невидимым, но вездесущим союзником. Развиваясь, эта сила выходит из полумрака к диалогу и пониманию. Она сама — **потенциальное пространство коммуникации**. Разумеется, это «пространство» остается скрытым, и власть воспринимает его как особо опасное. Не следует ли нам предположить, что при посттоталитарном режиме «жизнь в правде» — у первоисточков так называемой оппозиции? Противостояние этой «оппозиционной силы» с властью на местах принимает, конечно, форму, совершенно отличную от той, какую оно имело бы в открытом обществе или при диктатуре «классического» типа.

Ведь здесь мы не увидим ни сопротивления тем или иным отдельным фактам, ни борьбы за реальную власть, опирающуюся на конкретные средства давления. Противостояние захватывает совершенно другой уровень — уровень сознания и существования. Невозможно исчислить пределы действия этой особой силы количеством сторонников, избирателей или солдат, не учитывая «пятую колонну» **сознания** общества, его тайных дум, стремление человека к пониманию собственного достоинства, простейших прав и конкретных политических и социальных интересов.

«БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ».

Речь идет не о безраздельной власти той или иной политической группировки, а скорее о потенциальной возможности, охватывающей **все общество**, включая и структуру власти на местах. Такая власть опирается не так на своих собственных солдат, как

на «солдат врага»: всех, кто живет во лжи, но в любой момент, в принципе, может быть задет правдой, движимый хотя бы инстинктом самосохранения, для того, чтобы удержаться на своем месте. Это смахивает на «бактериологическое» оружие, благодаря которому в нынешние времена один штатский может разоружить всю дивизию. Никким образом не участвуя в погоне за властью, эта сила действует в темном пространстве человеческого существования. Невозможно заранее предсказать ни время, ни место, ни размах того довольно ощутимого движения, которое она может вызвать в любую минуту. Это может быть политический акт, движение масс или резкий взрыв недовольства граждан, острый конфликт внутри структуры, ранее монопольной, или просто изменение духовного климата общества. Под толстым покрывалом лжи, скрывающим все истинные проблемы и симптомы кризиса, нельзя предвидеть, где и когда упадет та знаменитая капля, что переполнит чашу. Вот почему власть на местах превен-

тивно и судорожно восстает против малейшей попытки жить «в правде».

«Пражскую весну» часто толкуют как борьбу двух групп на верхах власти: одни хотели сохранить систему как таковую, другие — преобразовать ее. Но забывают, что политическая борьба была лишь финальным актом в завершении длительной драмы, которая совершалась в умах. У ее истоков мы встречаем людей, сумевших жить «в правде» даже в самые мрачные времена. Эти индивиды не располагали никакой властью и не стремились к ней — политика не составляла смысл их жизни: они были поэты, художники, музыканты или просто граждане, сохранившие человеческое достоинство. Какими-то невидимыми путями вирус правды распространяется и разъедает ткань «жизни во лжи». Неопровержимо одно: политическая реформа — не причина пробуждения в обществе, а его результат. Я полагаю, что в свете этого опыта легче понять современность.

* * *

Из протокола обыска: «Машинописный текст на серой бумаге. Начинается словами: «П. Ростин. Я — антифашист». Заканчивается: «...У меня нет оружия. Но разве было оно у добровольцев на Можайском направлении?»

Я — антифашист

П. РОСТИН

Я вырос в войну. Я ничем не отличался от головастых, со вздутыми животами московских и ленинградских мальчишек, росших по окраинам

сибирских и казахстанских городов. Я знал, что папы — они же мужчины — воюют с фашистами. «Вставай, страна огромная» и «От советского

Информбюро» закрепились очень глубоко в моем сознании. Я сам упоенно играл в войну. Правда — уж не знаю, кто мне это объяснил — я довольно рано понял, что немец и фашист — это не одно и то же: немцы бывают разные, а фашисты — все одинаковые. Символами фашизма для меня стали не свастика и фуражка с высокой тульей, а колючая проволока, рвы с расстрелянными, варшавское гетто и люди — изможденные, глядевшие с газетных фотографий, — и другие, про которых говорилось: «фюрер мыслит за него».

После войны представления эти углубились под воздействием разных впечатлений. То рассказа крестьянки из-под Орла, выходявшей немецкого солдата Оту (Отто) — «Да какой он фашист, просто послали и все». Или рассказ парня, партизанившего на Смоленщине, тепло вспоминавшего немецкого доктора, вылечившего ему раненую руку. Или разговоры, которые я слышал в Германии: «Нас тоже нужно понять. Гитлер сделал для Германии и много хорошего, ликвидировал безработицу, например. Да и что поделаешь?» Все это не отменяло, но как-то досадно усложняло картину сожженных деревень с торчащими печными трубами и кинофильм «Суд народов». Позднее результатом наблюдений стал для меня вывод, что фашизм всю нацию — и хороших, и плохих осознанно или неосознанно, и даже собственные жертвы — делает соучастниками своих преступлений.

Когда я часами еду вдоль колючей проволоки по железной дороге Котлас-Воркута, или разговариваю с сыном погибшего в 36 году колхозни-

ка о том, как он воевал в Венгрии в 56-ом; слышу, что при Сталине был порядок и цены ежегодно снижались; или узнаю, что друг-водопроводчик въезжал в Прагу на бронетранспортере в 1968 — а куда денешься, послали: когда редактор комсомольской газеты говорит мне, начинающему журналисту: «Ты мне убери с полосы свои четыре жидовских фамилии или замени псевдонимами, а не то я по полюсу зарежу»; когда я читаю «Колымские рассказы» Шаламова или когда натываюсь в Сибири на километровые рвы с расстрелянными — мне не нужны объяснения. Ни классовой борьбой, ни социалистическим единством, ни «а что же, ты хочешь, чтоб...» Я узнаю символ и суть самого явления — они мне знакомы с детства.

И когда я — может быть, и поздновато — связал все это воедино в своем сознании, я на многое взглянул по-новому — но и по-старому тоже. Я возвращаюсь к той своей поре, когда мужчины были на фронте и воевали с фашистами. Клеенная-переклеенная пленка Галича звучит для меня как заезженная пластинка «В лесу прифронтовом», а «Хроника текущих событий» передает мне скупые сводки об оставленных населенных пунктах и разбомбленных городах. Все стало на свои места. Война не кончилась 9 мая 1945 года. Хотя по рождению и подданству я был призван в одну армию, как человек — своим сознанием, своей душой — я записался добровольцем в другую. Наверное, я никудышный боец, и у меня нет оружия. Но разве оно было у добровольцев московского ополчения на Можайском направлении?

* * *

Из протокола обыска: «В. Пореш. Прогулка по Москве. Машинописный текст, исполненный на 8 листах папирсной бумаги. В углу первого листа имеется рукописная пометка: «Это — в номер».

Прогулка по Москве

Владимир ПОРЕШ

14 июля 1976 г., в день французской революции, я приехал в Москву на Ленинградский вокзал, где меня встретил мой друг Саша Огородников. 15 июня я позвонил своему знакомому Жене Н. и условился с ним встретиться в 6 часов вечера на станции метро Кропоткинская. Я познакомился с ним у Саши в один из очередных своих приездов в Москву, на проспекте Мира 25, где Саша работал дворником в противотуберкулезном диспансере и жил в отведенном ему сарайчике.

Это было крохотное помещение, состоящее из двух комнат, прихожей и кухни, в которой помещались только газовая плита, маленький столик и раковина. Это был нежилой фонд, раньше там помещалась столярная мастерская. Зимой она отапливалась плохо, а свет проникал только сквозь маленькое окно с решеткой. Но бываю, конечно, места и похуже этого, тем более, что мы эту квартирку любили за тот дух свободы, которым она была наполнена. В этом самом помещении и проводили мы свои религиозно-философские семинары, иными словами, обсуждали самые важные для нас вопросы: вопросы религии и жизни.

Двери этого дома были раскрыты для всех, участвовать и говорить мог каждый. Нового человека поражала

пестрота: он мог повстречать и старика, и 16-летнего хиппи, и ученого, и спекулянта. Эти беседы, эта жизнь, все это настолько меня захватило, все это было так полновесно, так наполнено смыслом и глубиной, дышало такой теплотой и подлинностью, которую ни с чем не спутаешь, так отличалось от пошлой советской жизни, что я всегда всей душой стремился в Москву, к Саше, в эту квартиру. Нами с осязаемой очевидностью было осознано, что жить по правде — очень просто. Надо только с твердостью устоять против напора оголтелого мира, а Господь Бог поможет и вразумит.

В 6 часов вечера я встретился с Женей на станции метро Кропоткинская. Поначалу мы никого не заметили. Я спросил у Жени: «За тобой никого нет?» — «Вроде бы никого». Но когда мы переходили через площадь, я заметил коротко постриженного черноволосого молодого человека.

Этот черноволосый был небольшого роста, но крепкий и широкий в плечах. В руках он держал черный портфель «дипломат» и мятый плащ, а на голове кепка из той же ткани. Носил он темно-синий костюм и красную шерстяную сорочку. Лицом довольно приятен и интеллигентного вида.

На несколько мгновений он куда-то

исчез, но тут же появился снова, уже без портфеля и без плаща. Свернув на следующую улицу, мы забежали в молочный магазин. Женя спросил меня: «Где он?» Я поискал его глазами в окне и не увидел. Оказалось, что он уже шел нам навстречу, в магазине. Мы рванулись к выходу: «Вот этот», — ответил я. Чекист, по-видимому, понял, что он обнаружен.

Выйдя из магазина, мы пошли быстрым шагом, петляя по каким-то улочкам: я совершенно не знаю Москвы, поэтому не могу даже сказать, в какой стороне мы находились. Я впервые столкнулся со слезкой и был в сильном волнении. Я сказал Жене, что вряд ли смогу избавиться от чекиста в течение часа. Меня не оставлял парализующий страх, что вот, за мной идет живой, даже чем-то симпатичный человек, но он как бы и не живой, как бы машина, и несет с собой грозные силы государства. Я вышел из троллейбуса на первой попавшейся остановке и сел на скамейку у тротуара. Тут я заметил, что чекистов стало двое. Второй был высокого роста и худой, в темно-коричневом костюме и свежей рубашке, без галстука, с расстегнутым воротником. Обоим было лет около тридцати, оба были приятной наружности, но оба не подавали никаких признаков жизни, я не видел, чтобы они разговаривали, и выражение лица было у них всегда одно и то же. Они сели на скамейку, через одну от меня.

Я уже пришел в себя окончательно. Я понял, что судьба бросила меня на поединок с нечистой силой, и что если я допущу в свою душу страх, то они победили. (Что-то похожее было с философом Хомой Брутом). Раз они поняли, что я их увидел, и не пытаются меня задержать, то цель их может быть только одна: утратить, превратить в жертву, парализовать волю и страхом убить всякое достоинство. С этого момента бояться я перестал.

и страх сменился ровным душевным подъемом.

Я встал и пошел по улице. Чекисты встали тоже. Охота началась. В центре Москвы, в самой крупной столице мира, с корпусом корреспондентов в 8000 человек, с крупнейшим университетом и институтами, в славной вотчине А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, началась охота на человека самой могущественной государственной машины в истории, по сравнению с которой египетская бюрократия кажется детской забавой.

Я решил попробовать от них уйти, чтобы проверить их бдительность; пошел все быстрее и быстрее и, наконец, что было силы побежал. Пронзительный визг тормозов остановил меня. Серая «Волга» чуть было не вылетела на тротуар, оттуда выскочил мужчина лет сорока и побежал ко мне. Я остановился, оторопел от изумления. Прохожих почти не было, хотя было только начало седьмого. Лишь какая-то пожилая пара с испугом смотрела на происходящее. Мужчина уверенным спортивным шагом подошел ко мне и твердым грубым голосом бросил: «Еще раз побежишь, ноги оторву. Иди куда идешь, но бежать не смей». — «Да кто вы такой!» В это время запыхавшись подбежали два филера. «Ты еще узнаешь, кто я такой!» — ответил солидный чекист. Я повернулся к «своим», изображая удивление: «И вы тоже»? Оба остались бесстрастными.

Еще когда я увидел первого филера, то я начал мысленно творить Иисусу молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Но сознание мое постоянно чем-то отвлекалось, и я никак не мог на этом сосредоточиться. И очень остро и болезненно я осознал, что считая себя христианином-православным, не живу полнокровной церковной жизнью и слишком редко хо-

жу к литургии. Поэтому и молитва моя не имела той силы, а страх происходил от неверия. Но постепенно повторение Божественного Имени Иисуса Христа наполняло меня, и я стал чувствовать себя совсем уже твердо.

Четыре чекиста шеренгой шли за мной по Красной площади. Они стали разговаривать между собой, и я услышал голос четвертого, самого зверообразного из них: «Врезать бы ему покрепче, чтоб знал...» Эти слова вполне могли оказаться не пустой угрозой. Я спустился в подземный переход и сразу же поднялся наверх. «То туда, то сюда», — произнес один из чекистов, по-моему, чтобы как-то оправдаться перед прохожими.

В метро я попытался еще раз от них уйти, но тут они уже блокировали все выходы, на эскалаторе двое забегали впереди меня, на перроне каждый сторожил один из выходов. Когда я рванулся к дверям поезда, черноволосый загородил мне спиной выход. Они попробовали оттащить меня в сторону, но я стал сопротивляться.

Худой дылда сказал: «Иди спокойно, будешь бегать — ноги оторвем». Я опять поднялся наружу и еще раз позвонил Жене. Его не было все еще дома. Медленным шагом пошел я по улице Горького. Потом стал постепенно идти все быстрее и быстрее. Тут меня похлопали по плечу: «Не слишком ли быстро идешь? Давай-ка помедленней». «Иду, как могу. Для вас, что ли, стараться буду?» — ответил я. Больше они со мной не заговаривали.

Чекистов к этому времени стало уже шесть. Я уже не чувствовал в себе никакого страха, спрашивал у них, который час и далеко ли до дома № 12. Они нехотя отвечали. Мне пришлось идти около часу ночи по очень темной, совершенно безлюдной улице, где вполне можно было оторвать

мне ноги. Когда я свернул к нужному дому, мимо меня медленно проехала их машина, ярко осветив меня фарами. Я начал искать свой подъезд. Чекисты остановились у одного из них и за мной почему-то не шли. Я понял, что они лучше меня знают, куда мне надо: Женина квартира была именно там, где они стояли. Я мигом взлетел по лестнице на второй этаж, и, когда за мной захлопнулась дверь, почувствовал головокружительное облегчение...

Мы легли спать, а встали в восемь часов утра. Все дела были сделаны, и я собирался ехать к моим родителям в провинцию. Но не все дела еще сделали чекисты. Когда мы вышли из подъезда, то мы увидели, что они мирно сидят на скамейке перед подъездом, поеживаясь от утреннего холода. Трое мужчин были мне неизвестны, а девушка была уже знакома: она ехала в машине с начальством. Но эти трое резко отличались от вчерашних чекистов. У тех был довольно-таки цивилизованный вид, эти же были совсем уголовниками, что они немедленно и обнаружили. Из троих двоим было около тридцати лет, третьему — около сорока. Последний был, скорее всего, их начальник, так как оказался самым активным из них. Когда мы подходили к эскалатору в метро, он подставил мне ножку и сказал: «И это только начало», а сам побежал, чтобы опередить нас на эскалаторе. Только мы вступили на эскалатор, как они окружили меня, один из них вывернул мне руку назад, другой сдернул с меня очки. Начальник их заговорил: «Будешь бегать, голову оторву (теперь уж и голову!) Видишь мою морду? Запомни мою морду!»

И он повернулся ко мне в профиль, стараясь придать своему лицу устрашающее выражение, и стал тыкать пальцем себя в «морду». Все это более походило на какой-то балаган, и

мне ничуть не было страшно: я просто оторопел от неожиданности. «Почему же это я не должен от вас бегать? — возмутился я. — У вас своя работа, у меня — своя, за что же вы тогда деньги получаете?» Тут загалдели все разом: «Мы тебе покажем, за что мы деньги получаем! Попробуй только побежать!» На Женю они при этом никакого внимания не обращали, будто его и не было. В это время вниз по эскалатору спускался лейте-

нант милиции, в очках. Он остановился и спросил: «Что происходит?» Начальник махнул на него рукой: «Иди отсюда!» — и, увидев оскорбленное и возмущенное лицо милиционера, добавил грубо и резко: «Пошел отсюда, кому говорю!» — сунул руку в боковой карман (по-видимому, за удостоверение). Не знаю, понял ли милиционер, с кем имеет дело, или просто испугался, только он поплелся вниз по лестнице.

* * *

Из протокола обыска: «Скрепленные вместе машинописные листы папиросной бумаги на 44 стр. Начало: «Движение в защиту прав человека в Советском Союзе продолжается». Заканчивается словами: «Да поздно. А. Солженицын»

Движение в защиту прав человека в Советском Союзе продолжается

«ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ»

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информа-

цию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
статья 19

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

5 января 1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Дело ВЛАДИМИ-

РА БУКОВСКОГО. — Суд над ВЛАДИМИРОМ БУКОВСКИМ. — По-

следнее слова **ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО**. — Суд над **НАДЕЖДОЙ ЕМЕЛЬКИНОЙ**. — Голодовки политических заключенных. — К годовщине «самолетного» процесса. — Движение за выезд в Израиль. — Преследование верующих в Литве. — Краткие сообщения. — Новости Самиздата. — Некролог.
ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЫЙ

ДЕЛО ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО

26 ноября 1971 г. Инициативная группа по защите прав человека в СССР в письме, адресованном пятому Международному конгрессу психиатров в Мехико, заявила о своем присоединении к «Обращению и предложениям Комитета прав человека, направленным на разработку мер, ограничивающих возможность произвола и злоупотреблений по отношению к лицам, признанным психически больными или подвергающимся психиатрической экспертизе» (см. «Хронику» № 22)...

Перечисляя документы, использование которых, по их мнению, было бы полезно в данной связи (дневники **П. Г. ГРИГОРЕНКО**, письма **В. ФАЙНБЕРГА**, книга **Ж. и Р. МЕДВЕДЕВЫХ** «Кто сумасшедший?»), авторы письма особо подчеркивают заслуги **ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО**, благодаря инициативе которого участникам конгресса (и всему миру) стали доступны материалы, характеризующие противоправную практику таких экспертиз в Советском Союзе...

* * *

Академик **А. САХАРОВ**, академик **М. ЛЕОНТОВИЧ**, член-корреспондент АН СССР **И. ШАФАРЕВИЧ** и писатель **А. ГАЛИЧ** в письме Генеральному прокурору СССР и министру юстиции СССР сообщают, что,

ознакомившись с материалами, характеризующими деятельность **БУКОВСКОГО**, они считают, «что эти материалы не могут служить основанием для ареста и суда над Буковским. Они не содержат ни клеветнических измышлений, ни агитации и пропаганды в целях подрыва советского государственного и общественного строя. Его интервью основано на виденном, слышанном и пережитом им самим во время заключения в спецпсихбольнице и лагере. Что же касается медицинских документов, переданных Буковским западным психиатрам, то они вообще не могут рассматриваться как клеветнические, поскольку являются копиями подлинных документов»...

5 января 1972 г. в помещении Люблинского районного суда (Егорьевская ул. 14) состоялся суд над **ВЛАДИМИРОМ КОНСТАНТИНОВИЧЕМ БУКОВСКИМ**...

В. К. БУКОВСКИЙ обвинялся в том, что распространял антисоветские материалы клеветнического содержания, передавал иностранным корреспондентам клеветническую информацию, утверждал, что в Советском Союзе здоровых людей помещают в психиатрические больницы тюремного типа. В обвинительном заключении говорилось также, что «Буковский имел цель организовать подпольную типографию для распространения антисоветских материалов Самиздата...»

В ответ на вопрос, с какой целью он давал интервью западным корреспондентам, не имел ли он целью подрыв или ослабление советской власти, **В. БУКОВСКИЙ** ответил безусловным отрицанием и сказал, что думал только о людях, своих друзьях и других, которых, может быть, удастся спасти...

Приговор суда: 7 лет лишения свободы, из них первые 2 года тюрьмы, остальные 5 лет — ИТЛ строгого

режима, плюс 5 лет ссылки; судебные издержки в размере 100 руб. возложить на БУКОВСКОГО.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВЕРУЮЩИХ В ЛИТВЕ

Суд над священником Ю. ЭДЕБСКИСОМ

11 ноября 1971 г. в народном суде Каунасского района состоялся суд над священником ЮОЗАСОМ ЭДЕНБСКИСОМ (см. «Хронику» №№ 21 и 22), арестованным 26 августа в г. Пренай. Священник Ю. ЭДЕБСКИС был зверски избит в милицейском изоляторе и до суда находился в вильнюсской тюрьме «Лукишки».

Несмотря на то, что время и место суда тщательно скрывались властями, к 10 часам утра у здания суда собралось около 600 человек, многие девушки пришли с цветами. Милиционеры стали разгонять толпу, одной женщине сломали ребро, другая от удара по голове потеряла сознание; женщин, девушек били, валили на землю, тащили за ноги, заталкивали в милицейские машины. Всего было увезено около 20 человек, в том числе 2 священника...

Вопрос судьи: Чему вы учили детей?

ЭДЕБСКИС: Пониманию Святых Таинств, мессы.

Судья: Какой литературой пользовались?

ЭДЕБСКИС: Старыми катехизисами, молитвенниками.

Судья: Предупреждали вас, что учить не разрешается?

ЭДЕБСКИС: Говорили, но письменного запрещения не было. Церковь отделена от государства, но я думаю, что родители имеют право на обучение своих детей. В школе мы не учили, принуждения не было. За что же вы меня судите?..

* * *

В г. Симнас в начале 1971 г. за распространение листовок был помещен в психиатрическую больницу рабочий АНТАНАС ЯНКАУСКАС, 1942 г. рождения. В августе ЯНКАУСКАС был освобожден, после чего написал письмо первому секретарю ЦК КП Литвы СНЕЧКУСУ. В октябре его снова поместили в психиатрическую больницу в Нововильне; для его «лечения» применяют аминазин и таблетки, парализующие язык.

* * *

В начале января 1972 г. медицинская комиссия Московской городской психиатрической больницы № 8 (Соловьевской) сочла возможным выписать домой ВАЛЕРИЮ НОВОДВОРСКУЮ (см. «Хронику» №№ 11, 13, 21). Теперь суд должен рассмотреть решение комиссии.

* * *

29 декабря правление Московской писательской организации исключило из Союза писателей СССР АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА. Причиной исключения являются его песни. Во время трехдневного обсуждения, предшествовавшего исключению, назывались, например, «Я выбираю свободу», «Облака», «Ошибка», «Старательский вальсок»...

НОВОСТИ САМИЗДАТА

ВЛАДИМИР ШКУТИНА. «Пленник президента», перевод статьи из чешского журнала «Репортер» за апрель 1968 г. Рассказ чешского журналиста, позже — комментатора телевидения. В 1961 г. ШКУТИНУ вызвали в КГБ и обвинили в том, что он назвал в 1958 г. президента АНТО-

НИНА НОВОТНОГО «деспотом, проходимцем и идиотом». Суд, состоявшийся в январе 1962 г., не смог из-за отсутствия свидетелей доказать это обвинение и присудил В. ШКУТИНУ к 6 месяцам тюрьмы условно.

Считая, что дважды за одно преступление не судят, В. ШКУТИНА заявил вскоре после этого, что он никогда не называл президента идиотом, но поскольку осужден за это, то сам бог ему велит сделать это. В мае 1962 г. он был арестован и за подрыв авторитета президента осужден на 16 месяцев тюрьмы. Большая часть статьи — о пребывании автора в тюрьмах ЧССР.

* * *

НЕКРОЛОГ

18 декабря 1971 г. скончался АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ. В качестве некролога «Хроника» сочла возможным поместить следующий текст:

Есть много способов убить поэта.

Для Твардовского было избрано: отнять его детище — его страсть — его журнал.

Мало было шестнадцатилетних унижений, смиренно сносимых этим богатырем, — только бы продержался журнал, только бы не прервалась литература, только бы печатались люди и читали люди. Мало: — и добавили жжение от разгона, от разгрома, от несправедливости. Это жжение прожгло его в полгода, через полгода он уже был смертельно болен и только по привычной выносливости жил до сих пор — до последнего часа в сознании. В страдании.

Третий день. Над гробом портрет, где покойному близ сорока и желанно-горькими тяготами журнала еще не борожден лоб, и во все сияние — та детски-озаренная доверчивость, которую пронес он через всю жизнь, и даже к обреченному она возвращалась к нему.

Под лучшую музыку несут венки, несут венки... «От советских воинов»... Достоинно. Помню, как на фронте солдаты все сплошь отличали чудо чистозвонного «Геркина» от прочих военных книг. Но помним и: как армейским библиотекам запретили подписываться на «Новый мир». И совсем недавно за голубенькую книжку в казарме тягали на допрос.

А вот вся нечетная дюжина секретаря та вывалила на сцену. В почетном карауле те самые мертвообрюзгшие, кто с улюлюканьем травили его. Это давно у нас так, это — с Пушкина: именно в руки недругов попадает умерший поэт. И расторопно распоряжаются телом, вывертываются в бойких речах.

Обстали гроб каменной группой и думают — отгородили. Разогнали наш единственный журнал и думают — победили.

Надо совсем не знать, не понимать последнего века русской истории, чтобы видеть в этом свою победу, а не просчет непоправимый.

Безумные! Когда раздадутся голоса молодые, резкие — вы еще как пожалеете, что с вами нет этого терпеливого критика, чей мягкий увещательный голос слушали все. Вам впору будет землю руками разгребать, чтобы Трифоньча вернуть. Да поздно.

К девятому дню

А. СОЛЖЕНИЦЫН

* * *

Из протокола обыска: «Рукописный текст, исполненный красителем синего цвета на тонкой бумаге. Г. С. Померанц «Письма о нравственном выборе» Заканчивается: Москва, апрель-май 1978 г.»

Из писем о нравственном выборе

Григорий ПОМЕРАНЦ

... Я помню одного человека, который после нескольких лет обожания героев совершил сам не то что героический, но смелый поступок: подписал какой-то протест, а потом еще и еще. Он стал очень горд, надут и нетерпим в обращении с неверующими в его нравственную харизму. Слава Богу, все это наваждение кончилось и теперь он снова хороший муж и прекрасный отец. Было бы лучше, если бы он с самого начала понял свое амплуа — скорее Санчо Пансы, чем Дон Кихота.

Читатель, возможно, скажет, что не надо обижать хорошего человека. Санчо Панса смешон. Но и Дон Кихот тоже смешон. И сто прапорщиков, вздумавших перевернуть Россию, смешны: и вся сфера подвигов, если взглянуть на нее глазами Грибоедова, — репетиловщина или (глазами Достоевского) — бесовщина. И все же, прочитав Сервантеса, Грибоедова, Достоевского, люди снова берутся за свое осмеянное дело. Зная, что «от великого до смешного один шаг», а от великого до бесовского и шагу не будет.

В 1941 году я познакомился с русским Санчо Пансой. Его звали Сорокиным. Он был сержантом и командиром отделения в 3-й дивизии московских рабочих. А взводом коман-

довал Савицкий, уверявший, что он тот самый Савицкий, комдив в Первой Конной. Может быть, его списали как психически больного. Приказания Савицкий отдавал иногда совершенно безрассудные, но Сорокин с ним никогда не спорил. Объяснял он моему старшему товарищу: если начальник велит лезть на стену — не спорь! Начни сколачивать лестницу, искать гвозди... В конце концов сам поймет, что на стену лезть незачем...

Сорокин не был циником, он просто обладал здравым смыслом. В феврале по дороге на Северо-Западный фронт новый командир взвода, не любивший «очкастых», дал мне зазря наряд вне очереди. Сорокин со швейковским усердием сказал: «Есть, наряд вне очереди!» И выполнил приказание по-швейковски: поставил меня дежурить у пирамиды с оружием первым, когда спать еще не хотелось... На другой день ему стало жаль остальных, дежуривших ночью, и он поворчал на меня (не будь моего наряда вне очереди, часового в тыловой русской избе можно было и вовсе не ставить). Нравственное чувство Сорокина было причудливым и ворчливым, но совершенно живым.

В рассказах его все выглядело скорее забавным, чем страшным. Например, в 1919 (или 20-м) Сорокин был

дезертиром. Таких дезертиров (молодых крестьянских парней, уклонявшихся от призыва) набралось в лесу несколько сот. Сидели они, сидели и вдруг решили: «Возьмем город Сапожок!» И взяли. Два или три дня гуляли, пили самогон. Потом пришла воинская команда, дала залп. Дезертиры сдались. Тут же их одели в серые шинели и стали они красноармейцами. Никакой морали к этому, никакого осуждения дезертирства Сорокин не прибавлял. Не осуждал он и усмирению бунта. Парням естественно хотелось оставаться поближе к девкам, а не в армию идти. Власть, естественно, заставляет себя слушаться. Логически из этого вытекало «неприсоединение». Но 16 октября, когда Сталин хотел бежать из Москвы, Сорокин ушел с завода (где у него была броня) в ополчение. Помню, как он бодро чистил свою канадскую винтовку, напевая под нос любимый частушечный припев:

*Ай тапы, тапы, тапы,
Что наделали клопы!*

Сорокин не был героем. В бою он не испытывал романтического подъема, не чувствовал величия истории и тому подобных интеллигентских эмоций. Был скорее мрачноват и ворчлив. Но за солдатами своего отделения следил, как курица за цыплятами, и был там, где следовало быть.

Мне кажется, ни одно общество не может обойтись без Сорокиных. Сорокины есть и в деревне, и в городе. Я встречал малограмотных и ученых Сорокиных, русских и евреев. Подписывать протесты они не будут, но применять сомнительное лекарство, на котором директор института хочет проехать в Академию медицинских наук, тоже не будут. Правда на уровне малых дел достигается ими за счет конформизма в больших. Врач, учитель, артист вынуждены к извест-

ному конформизму (часто с тошнотой в горле). Это так же не вполне хорошо, как не вполне хорошо стать изгоем и этой ценой получить возможность говорить свою правду в большой политике. Что лучше? То, что подсказано изнутри.

Солженицын в «Теленке» приводит несколько примеров, как он разрывался между ответственностью за чемоданчик с рукописями и желанием дать в морду хулигану, как он колебался выступать или не выступать в августе 1968 года и т.п. Этот внутренний разрыв гораздо поучительнее, чем правда жизни не по лжи. Безгрешные нравственные решения — редкость. Поэтому и святым подобает «держат ум свой во аде и не отчаиваться» (как посоветовал Христос в видении схимонаха Силуана).

Мне кажется, что открытый большой вопрос о путях совести больше дает, чем любая система оправдания добра. Также, впрочем, и в вере, в чувстве связи со своим внутренним человеком, с последней глубиной — вопрос дает больше, чем ответ. Бог заговорил с Иовом, не знаями ответа, а не с друзьями его, думавшими, что они понимают Бога и могут ответить. Мне кажется, что вопрос, в некоторых случаях, — последняя форма мысли, дальше которой пойти нельзя. Отвечать можно на сравнительно мелкие вопросы. Там, где затронута вечность, ответа в точных терминах нет. Есть только веяние духа — от сердца к сердцу. Кришнамурти высказал это в несколько парадоксальной форме: «Только на неправильные вопросы есть ответ, на правильные вопросы ответа нет».

* * *

Уже написав все это, подумал, для всех ли я прав? Вроде бы для всех. Для каждой личности. Но достаточно ли развито в каждом человеке личное

начало? Нужно мужество, чтобы решиться на выбор. Нужно чувство фальши, указывающее ошибку. Нужен ум, нужно знание, запас образцов поведения, помогающий выбрать. Не прямо то или другое (ничего нельзя повторить), но опираясь на него, оглядываясь на него...

Наше общество можно поделить на группы по-разному. В лагерях принято было когда-то деление на «социально близких» и «социально чуждых». Это старое деление очень плодотворно. Социально близкие — стихийные материалисты, экономика для них первична. При хорошей плате они вполне лояльны. Солженицын описывает своего фронтowego друга, крестьянского сына, рассказывавшего ему об ужасах коллективизации. За хороший оклад он стал «гебешником». Это типичный случай социально близкого...

Другое дело — социально чуждые. Они потому и чуждые, что экономический стимул для них не решает. Социально чуждый — стихийный идеалист. Он понимает, что без воровства и лжи не проживешь, но делает из этого не рациональный вывод, а иррациональный. Вместо того, чтобы тащить и помалкивать, он философствует и критикует систему, то есть совершает преступление, предусмотренное статьей 58—10, часть 1 по старому счету (статья 70, по-новому).

Социально-чуждые — не стяжатели. Кадровая политика в лагерях это учитывала и правильно делала. В лагере я прямо из карантина угодил в нормировщики подсобных мастерских и несколько месяцев ежедневно рисковал эту должность потерять, упорно не давая на лапу (взятку) старшим придуркам. Нечего говорить, что попытки работяг угостить меня я отклонял. На нашем острове не было котловки, была гарантийка (трехразовая горячая пища и 800 граммов хлеба при условии выхода

на работу; за перевыполнение платили деньгами). Портные и сапожники халтурили не ради хлеба, а ради вологодского сучка (поллитра — эквивалент кепки или тапочек). Эта стихия была мне чуждой. Я не мешал ей и не помогал.

У каждой социальной группы, как у каждой касты, своя дхарма, свой долг. Свадхарма социально близких — воровать, туфтить, халтурить или (забравшись повыше) лгать без зазрения совести — но **выжить**. Кто-то должен выжить и в России. Оправдание социально близких — дети. Достоевский говорил, что предпочитает мир со всеми его пороками, но с детьми, — совершенному и безупречному миру без детей. А у интеллигентов — 1,1 ребенка на семью. Даже по статистике, смешивающей интеллигентов с чиновниками.

Свадхарма социально чуждых — хранение чего-то святого (не только религии; искусство тоже свято). Некоторые ценности невозможно утвердить простой самоотверженностью. Ценности вступают в конфликт друг с другом. Чтобы хранить чистую веру, можно забраться в катакомбы. Но можно ли затащить в катакомбы литургию? Допустим, Пимен — честный человек, и ему хочется принять мученический венец. О чем он думает? О том, что 50 миллионов человек ходит в церкви, открытые с разрешения властей. Куда они пойдут в случае конфликта церкви с властью? В катакомбах православие превратится в секту. И вот воображаемый честный Пимен говорит священнику: лгите во спасение, только служите обедню. Париж стоил обедни, обедня стоит лжи.

Интеллигент сталкивается с проблемами, которые преследуют его со школьных лет до могилы. Первую группу этих проблем можно назвать профессиональными. Решительное отречение от лжи значит также отрече-

чение от своей работы. Некоторые идут на эту жертву. Остальные как-то пробиваются по лезвию ножа, спотыкаясь, падая, мучаясь от своих промахов и уступок. Интеллигент сознает, что ремесло его невозможно без греха. Но он это ремесло не может бросить. Это — призвание.

Вторую группу проблем можно назвать проблемами веры и неверия в харизму. Интеллигент восхищается нравственно цельными характерами, увлекается пророком, бичующим блудницу, готов идти за ним в огонь и воду — и вдруг замечает, что ригоризм имеет свои неприятные стороны: жесткость, ригидность, фронтальность мысли. Что ригорист бичует ложь, не замечая, как она подкралась сзади, уселась в нем самом.

Корректность в споре с идейным противником становится ненужной, если ложь — абсолютная ложь, и правда — абсолютная правда. Разве еврейские пророки были корректны к язычеству? Разве можно судить о культуре Эсхила, Фидия, Сократа, о том же Вавилоне по Библии? Так же некорректен Солженицын. Охваченный пророческим вдохновением, он не хочет и, пожалуй, даже не может вздуматься в контекст чужой речи.

Для нравственного развития личности плодотворнее позиция мытаря. Однако одно дело то, что плодотворно для личности, другое — то, что непосредственно нужно обществу. Сегодняшнему обществу. В котором свободомыслящих, способных довериться внутреннему голосу, еще очень немного. В этом обществе, помимо морали свободы, есть только две другие возможности: бихевиористская мораль (не мочись против ветра) и мораль учеников пророческих, следующих за своим учителем, живым или мертвым. Опыт показывает, что пророк — самый сильный противовес инерционной мысли. Или инерционной аморальности. А в сов-

ременной России есть только один живой пророк — Солженицын. Который сам себя считает обладателем небесной харизмы и которого последователи его признают харизмагическим вождем. Если никакой пророк Вам не подходит, а самостоятельно выбрать свой путь Вы не решаетесь, чем я Вам могу помочь? Я способен научить только тому, что сам знаю: как обходиться без пророков.

Солженицын при всех своих недостатках — подлинный пророк. Но даже у пророка Мохаммеда были свои недостатки. Он так же, как и Солженицын, иногда смешивал личные тайные желания с голосом Аллаха. Внутренний голос не всегда свят, иногда он обманывает. И вера в свое пророческое призвание не дает увидеть обман. Но какой пророк не верит в себя?

Пророк может быть обречен на грех гордыни, чтобы спасти других от больших грехов. Грехи Мохаммеда (политическая изворотливость, умение прислушаться к толпе) помогли становлению ислама не меньше, чем открытость голосу свыше. Но лично я не мусульманин. И обращаюсь к тем, кого ислам не привлекает. В том числе православный, и любой другой ислам.

Размышления над творчеством Солженицына — один из главных факторов, убавивших еще в 1967 году мою активность. Я понимаю, что ригоризм может потрясти и перевернуть мир. Но мир, перевернутый ради правды, еще не есть мир правды. Павки Корчагины были ригористами. Сейчас новые ригористы призывают разрушить неудавшийся хрустальный дворец. Что они сами построят?

* * *

Сколько бы ни писать комментариев, остается пространство своеволия, свободы — можно его оценивать

положительно или отрицательно, — но оно есть. Не убий, не укради, не лжесвидетельствуй. Сказано это и Моисеем, и Махавирой, и Буддой. Никаких сомнений в верности заповедей у меня нет. Но правда может и убить. В драме А.К.Толстого «Смерть Ивана Грозного» Годунов преднамеренно убивает царя правдой: говорит старику, склонному к припадкам ярости, несколько верных, но невыносимых для деспота вещей. Склеротические сосуды рвутся от прилива крови, и Грозный умирает. Ни один закон, ни одна заповедь при этом формально не нарушены.

Заповедь «не убий» совершенно ясна, если действовать ножом или топором. А если словом? Ссора, размолвка, натянутость глубоко ранят, и чем ближе человек, тем больнее. Уайльд ничего не преувеличивал, когда писал «Балладу Редингской тюрьмы»: «Мы все убиваем любимых»...

Марина Цветаева писала (кажется, Бахраху): в момент близости мужчины обычно находится как бы на другом конце земли, так он захвачен инстинктом пола. Так далек от того, чтобы искать единства с духом и душой (а не только плотью), с женщиной, которой клялся в любви и которую действительно любил, пока встречались только глаза с глазами. Но встретилась мужская плоть с женской, и глаза погасли. Причастие оказалось слишком вкусным. Наслаждение поглотило чувство. А потом человек объедается и его начинает тошнить.

И остается у мужчины оскомина (иногда до желания кончить с собой), а у женщины — плод, который надо вытравить. Или дети, обреченные рваться между отцом и матерью. Живущими в непрерывных ссорах или нашедшими покой в разводе. Какие заповеди здесь помогают?

Я не знаю, по какому это ведомству, и ригористы скажут, наверное,

что я не про то. Человечество погибает от язвы тоталитаризма, а я про нежности. Да, я про нежности. Я думаю, что неумение вырастить и сохранить любовь причиняет человечеству больше страданий, чем все политические режимы всех времен. Потому что режимы приходят и уходят, а бездарность в любви остается. Многие нелепые рывки в утопию — от неумения найти полноту жизни в том, что под руками: в любви мужа и жены, родителей и детей, друга к друзьям, одинокого — к иконному в природе и в искусстве...

Во всяком случае я убежден, что нельзя делить нравственные проблемы на важные (политические) и второстепенные (в частной жизни). Преувеличенное внимание к политической нравственности маскирует грубость, жестокость, бесчувственность, безответственность, прямую развращенность во второстепенных для политики областях. Примерно такой была нравственность многих революционеров, и этим же грешат заповеди жизни не по лжи. Нравственность неделима и неотделима от чувства прекрасного и благоговения к источнику жизни (истина, добро и красота неразделимы). Нравственность целостна и не делится на отдельные правила. Не существует правил, годных на все случаи жизни. Всякие правила где-то становятся нелепыми. И сознание, привязанное к правилам, бредет слепым по краю пропасти и непременно провалится в пропасть.

Одни проблемы возникают, другие исчезают... Лев Толстой считал безнравственным не выносить за собой ночной горшок. Сейчас слуг заменила канализация. Зато возникло общее звуковое пространство нескольких квартир, в каждой из которых — радиола, магнитофон, телевизор. Сказано: не укради — это ясно, если речь идет о деньгах или тряпках. А чужое пространство тишины? А чужое вре-

мя? Новые правила постепенно создаются, но решительно никакие правила не заменят совести. Заповеди могут быть даны извне, из опыта старших, из книги. Но крепки они будут только тогда, если родятся второй

раз изнутри. На требования сегодняшнего дня может чутко отозваться только совесть.

Я не вижу спасения от бездны нравственного выбора.

1978

* * *

Из протокола обыска: «Письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС на двух листах. Заканчивается словами: Вы обязаны спасти страну от разорения, а молодежь от бессмысленной гибели! В. Сокирко. 10.01.1980»

Генеральному секретарю ЦК КПСС
Председателю Президиума
Верховного
Совета СССР Брежневу Л. И.

от Сокирко В. В., проживающего
по адресу: Москва, ул. Гурьянова,
43, 286

Прошение

Осознав личную ответственность за будущее страны и своих детей, выполняя гражданский долг, я обращаюсь к Вам с просьбой дать указание о немедленном выводе всех советских войск из Афганистана.

Предвидение многих бед, которые придут в наши семьи и ко всей стране в случае продолжения нашего прямого участия в этой гражданской войне, заставляет меня впервые обратиться к Вам с подобным письмом.

Решение о вводе войск в Афганистан является изменением всей долговременной внешней политики нашей страны и показывает дурной при-

мер. Ввод наших войск в Венгрию в 57-м году и в Чехословакию в 68-м году, как бы ни расценивать эти шаги, были осуществлены в признанной миром сфере советского влияния. В Корею, Вьетнаме, на Кубе и в Африке наши войска не воевали.

Сейчас все изменилось. Решение конца 79 года означает шаг в пучину, ибо умиротворение гражданской войны в горной стране с 16 млн. фанатичных воинственных мусульман потребует громадных усилий, времени и жизни, и кроме того поставит нас во враждебное положение ко всему мусульманскому миру. Россия XIX века

воевала с горцами Кавказа больше четверти века, война с басмачами после революции тоже длилась больше десятилетия. Афганистан может потребовать большего. А ради чего?

Чтобы принять на себя заботы о прокормлении разоренной страны, о непрошенном контроле над религиозным народом? Чтобы создать прецедент и соблазн военной «поддержки» очередных восстаний и «революций» в очередных странах? Чтобы пожертвовать жизнями своих солдат в чужой войне и в охране афгано-пакистанских и афгано-иранских границ? Чтобы обеспокоить все страны за свою внешнюю и внутреннюю безопасность, озлобить и сплотить против нас, похоронить и надежды на разоружение и разрядку?

США потерпели поражение в попытках умиротворить борющийся Вьетнам, наша страна может потерпеть еще большее поражение в Афганистане.

Я предлагаю отозвать наши войска из Афганистана.

Если существует и вправду военная угроза Афганистану со стороны Ирана, Пакистана, Китая, то следует обратиться с просьбой в ООН о посылке ее войск на афганские границы для предотвращения агрессии.

Если нынешнее афганское правительство не может обеспечить безопасность работающих у них советских специалистов, то они должны быть отозваны до окончания войны.

Если подавляющее большинство афганского населения поддержит «контрреволюционеров», то следует предоставить политическое убежище нынешним революционным властям.

Политика невмешательства и отказа от экспорта революции в другие страны должна быть восстановлена в полном объеме.

Вы обязаны спасти страну от разорения, а молодежь от бессмысленной гибели!

В. СОКИРКО
10.I.1980 г.

* * *

Из протокола обыска: «Рукописный текст, исполненный фиолетовыми чернилами на семи листах. Начинается словами «Смешной вопрос: можно ли профессионально жить?» Заканчивается словами: «Как ни глуп мой ответ, любой другой был бы еще нелепей»

Из письма

... Смешной вопрос: можно ли профессионально жить? То, о чем я хочу тебе сказать, может показаться инфантильным вздором — мое самосознание.

Когда-нибудь историки будут ломать голову над «историей диссидентов»: кто такие, откуда пошло, когда и чем кончилось... Нет, я не хочу оставить в письме тебе еще одно ар-

хивное свидетельство, и не гордыня причастности, пусть недолгой, к Движению, отметившему собой эпоху, тянет к последнему слову. Нет, все проще и одновременно бесконечно сложнее, человечней...

Когда я узнал правду об этой стране, а так случилось, что произошло это враз, в одни сутки (книга Анатолия Марченко о лагерях плюс пять

номеров «Хроники текущих событий»), я был потрясен. Это была правда, я точно знал — правда; не знаю и до сих пор не понимаю, почему, вопреки своему обыкновению, я не стал проверять факты, сравнивать...

Навалилось, ошеломило, оглушило и сразу, в ту же ночь пришло знание, что отныне я не буду жить как прежде, что я найду, докопаюсь и — помогу. Найти, докопаться — это и было — «что делать?», но жить по-другому надо было начинать сегодня же, потому что если люди в такой беде, как же не помогать! Повезло, рядом оказался человек, подсказал, дал возможность...

Что ж изменилось? Нет, не книжки другими стали, не вопросы, — что-то другое, не знаю, как назвать, воплощение другое, что-ли. До этого было детство, отсюда — биография.

И — люди. Исчезновение одних, без разрывов, надрыва, объяснений — люди просто выпадали из сферы жизнедеятельности — и вся недолга. Помню был (где он нынче?) в моей жизни человек, старик по тогдашнему восприятию, умный, образованный, многому меня научивший. Прихожу к нему, рассказываю о своем открытии в пламенной уверенности, что открываю ему глаза, кричу: «Ну? как же?!», а он эдак спокойно отвечает, что все это знает и даже более того: прежде было несравненно страшней, и еще что-то про обух и плеть, про жизнь пройти — не поле перейти, о чем мне еще предстоит узнать...

С тех пор я видел его только однажды — на остановке трамвая. Издали.

Я хочу, чтобы ты меня правильно понял: речь идет о физиологии принципов: я не мог больше **жить** с этим человеком; мы могли бы, наверное, встречаться просто так, но «просто так», очевидно, не было нужно ни ему, ни мне. По-всякому бывало, и сложнее, чем с этим человеком, и про-

ще, но суть оставалась та же: единственное, что по-настоящему изменилось в жизни — это люди. Одни выпали в осадок прошлого, другие, не знаю уж как, начали проявляться...

* * *

«Дедушка Ленин» промелькнул в моей жизни, не оставив никаких следов. В отрочестве, за древними греками, римлянами, Шопенгауэром и Гегелем не до Ленина было, преодолевать побасенки о «вожде и учителе» Бог миловал, стыдиться своего прошлого не приходилось; Ленин или Сталин? кто начал? кто чистый, а кто нет? не было моими проблемами. О коммунизме и социализме я знал (и думал) едва ли больше парикмахера из города Нашвилл, штат Теннесси: помню, что коммунизм представлял себе в виде общежития, и хотя я вырос и большую часть жизни провел в коммунальной квартире с соседями, жить в общежитии категорически не хотел (отчего же? слово поганое; и по сегодня не люблю его).

Первый по-настоящему сложный случай из «жизни по Солженищину» возник, когда дочка начала приходить из садика со стишками про «дедушку Ленина». Как реагировать? Это был воистину, не по прописям сложный вопрос. К тому времени я уже года три тщательно изучал ленинаниану, знал и апологетику и самиздат. Остановить, оборвать ребенка, сказать, что дедушка Ленин не дедушка добренький вовсе, а «кровавый деспот», я не мог, и разумеется, не из страха, что ребенок сболтнет в садике лишнее. Не добренький Ленин дедушка, но и не «кровавый деспот» — и то и другое ложь (между прочим — равновеликая), а неложь пятилетнему ребенку не втолкуешь. Не втолкуешь ее и взрослому, до нее либо доживешь, либо нет. Втолкованная исто-

рия — та же ложь, то есть нечто постороннее, не прилегающее к жизни конкретного человека.

В те же годы мне посчастливилось встретить несколько человек, чья жизнь, что называется, прошла сквозь строй XX века. Их рассказы, а может быть, не рассказы, но общение — живое с живым, окрасило в кровь каждый миг моих поисков. И вошло в мою плоть, в каждую клеточку мозга: цена истории — кровь, смысл истории — кровь. Если раньше я копал и никак не мог докопаться, то теперь я брел по колено, по горло в крови: сквозь русский XX век. Страшно было? Да, страшно. Страшно и счастливо. Я не могу объяснить, что это такое. Растерянность и кровь убеждали от черно-белого, от триггерного «да/нет».

Любые лагеря, будь то моральные, политические или идеологические, я воспринимаю как разновидности концентрационных. Свобода завоевывается не для обмена ее на идеи, партии и принципы.

* * *

Ты спрашиваешь, почему разговор о судьбе диссидентства идет вдоль сюжета «Жить не по лжи»? Можно начинать откуда угодно, но приходим мы будем все-таки в одну точку. и точка эта: как жить? Только из точки «как жить»? мы протянем линию к «что делать?»

...Не уточняя понятий, предлагаю на слух два словосочетания: — профессиональный революционер и профессиональный диссидент; последнее звучит абсурдно. За первым стоит реализация утопии, мировоззрения, убеждения, конкретные акции, наконец — некое «мы», образуемое невозможностью **технической** реализации своих реалей в одиночку. За вторым (если вычтем оперетту) — поиск идеи, способной определить образ жизни;

экзистенциальная проблема, ставшая исторической.

За первым — жизненная сфера (легальная, подпольная, добродетельная или нет — неважно), все элементы которой соединены в целое и дееспособны; за вторым — что за вторым?

...Диссидент — не революционер и не реформатор, но что существеннее, он и не предтеча этих типов. Это действительно качественный рубеж не только национальной, но и всемирной (после Христа) истории. Диссидент есть динамическая неопределенность, созданная столкновением двух тупиков: революционного и реформистского. Парадокс же состоит в том, что диссидентство, возникшее как продолжение, а затем отрицание Шестидесятых годов истории этой страны, знаменует собой заодно отрицание и социал-демократического реформизма современной Европы, и революционности Третьего мира.

Вот уж воистину одиночество из одиночеств! Оно невыносимо, и потому никто его не выдерживает. Ни по эту, ни по ту сторону границы.

Мне хочется верить, что я не боюсь внешнего наказания. Я принял бы его, честно говоря, без мученического восторга, но и без страха за жизнь. Я понимаю человека, готового отдать все за возможность жить не по лжи, человека, заплатившего всем, что имел, за эту возможность, — и не желающего ее уступать. Мне не пришлось платить, мне было дано, далось. В той мере, в какой я могу быть честным сам с собою, мне не в чем упрекнуть свое прошлое. В меру мне отпущенного я жил не по лжи. Жил, мордовался, мучился — и не выдержал. Сил моих больше нет.

Те, у кого есть Бог, — не одиноки. Я неверующий.

Те, у кого Правда, — не одиноки. У меня правды нет.

Те, с кем Родина, — не одиноки. У меня Родины нет.

У меня нет даже ни одной из тех бесчисленных «Россий», коими нынче заклинают и молятся, каждый на свой размер и лад, все, кому не лень. Жить в России сегодня легко. Мне Россия не доступна, по-человечески невозможна, и я полагаю унизительным ЖИТЬ В РОССИИ, ЖИВЯ В СССР.

Народа с большой буквы я никогда не видел, думаю (и смею надеяться) — это тени, населяющие Россию. Народ с маленькой буквы: тетя Глаша, в очереди готовая сгрызть живьем каждого впереди, болельщики «Спартак», вор-продавец, А. Д. Сахаров, добрая моя библиотекарьша Валентина Сергеевна, следователь Бурцев, моя мама, — с народом жить невозможно — живут с одними людьми и не живут с другими.

Итак, что в остатке? Одиночество. Наверное, эмиграция. Отъезд из неку-

да — в незачем. Возможность по совести **быть** — частным лицом. Честного права стать, если выйдет, каким угодно, в той жизни и мучаться этой только во сне.

...Мне снится временами сон. Вот — я в Вене, вот заполняю анкету, в графе «профессия» ставлю прочерк — дипломов у меня нет... И спрашивает меня вежливый чиновник, как понимать этот прочерк, — чем-то я, наверное, свой хлеб зарабатывал? Короче говоря: чем же вы, мистер имярек, занимались все эти годы, «живя не по лжи»? И каждый раз я хочу коротко, одной фразой ответить, но срываюсь и бормочу одну и ту же непонятную и бессмысленную для него фразу: **учился жить**.

На этой дурацкой фразе сон кончается, и, просыпаясь, я понимаю, что как ни глуп мой ответ, любой другой был бы еще нелепей.

* * *

Из протокола обыска: «Е. Гайдамачук. Что же произошло? Заканчивается словами:» «Перед тем как заснуть, очень-очень прислушайся, чтобы различить мой негромкий голос».

Что же произошло...

Екатерина ГАЙДАМАЧУК

Что же произошло в тот день, после которого опустел мой дом, а крошечный наш сын все время собирается ехать куда-то к папе, встречает мнимого папу в дверях, оставляет папе часть еды за обедом?

Слова «обыск», «арест», врываясь постоянно в нашу жизнь, уже давно стали чем-то нарицательным, пустотелым, мертвым. Мы отталкиваем их, отторгаем от себя, даже поругиваем друг друга с их помощью. Мы взлетаем над ними в свой мир, мир

жизни, творчества, и опять катимся вниз, к этим ужасным словам...

Утром 4 декабря, не успев еще проснуться, я услышала в открывающуюся дверь тихий голос Валерия: «Вставай. У нас обыск». Совершенно не удивившись (!), я поднялась, накинула халат и вышла в коридор, где уже копошились какие-то люди. То, что они делали в последовавшие за этим 7 часов, многим, к сожалению, знакомо: вытаскивали с полок наши и книги, бумаги, перелистывали наши

письма и записки, изучали наши телефонные книжки, разглядывали наши фотографии. (Мне очень жаль, что существует профессия, предусматривающая такое любопытство и заставляющая людей проявлять его. Уж лучше бы этим занимались роботы).

Мы старались не обращать внимания на происходящее и молча всматривались друг в друга, прогоняя в памяти прошлое и будущее свое, занимаясь при этом мелкими хозяйственными делами. Алька же, несколько не смущаясь присутствием такого количества чужих людей, с серьезной деловитостью рассматривал книжки, рисовал свои фантастические картинки, протиснувшись между незнакомыми коленями, «играл на рояле» так называемую песню волка; регулярно просил есть; дергал нас всякими расспросами, ни разу не обратившись к чужим дядям. Мы всячески поддерживали его, тоже рисовали и читали; я даже пела ему песенки про сыча, льва да козлика, который живет у бабушки.

Но вот приближается конец этой процедуры. Мы уже порядком устали от отсутствия чужих глаз, да и роботам нашим, наверное, все надоело: один дремлет, сидя на диване, другой читает «Советский спорт», женщина разглядывает детские книжки. Лишь учащающиеся телефонные звонки вызывают в них все большее раздражение, и они заставляют соседа отвечать, что нас нет дома.

Наконец, протокол закончен, мы просматриваем отобранные у нас вещи и с удивлением замечаем, что в опись включены пленка с записью Алькиной воркотни, письма из моего личного архива, протокол предыдущего подобного грабежа. В ответ на наши возмущения — усмешка... Валера пишет протест, отказавшись подписывать эти бумажки, и все летит в мешок...

А потом его уводят. Уводят, не смотря на мои требования предъявить хоть какой-нибудь документ, позволяющий уводить человека из моего дома. В ответ на это — все та же усмешка. Оказывается, по каким-то законам они имеют на это право. И имеют право вообще мне ничего не сообщать!..

Вот и все...

А утром у нас с Алькой начинается новая жизнь: ему надо самому придумывать себе дела (он бьет часики, поливает водой диван и стулья, разносит зубные щетки по квартире), а мне — звонить по каким-то телефонам в милицию, УВД, прокуратуру и выслушивать глупые, лишённые смысла слова: «Ну, не найдете сегодня, так позвоните завтра...» Я чувствую, что поток этих телефонов и этих слов закручивается во мне в какой-то клубок нелепостей, вытянуть кончик из которого уже невозможно. Я собираю себя в комок, одеваю Альку и иду с ним на улицу копать песок. А вернувшись через час, укладываю его спать, снова набираю 321-40-00, слышу: «Бурцев слушает», — произношу свои заученные слова и различаю ответ: «3-е отделение милиции, там три дня; потом переведут куда-нибудь».

А неделю спустя я нахожу в разбросанных еще бумажках листок, исписанный ужасно непонятным, очень близким и знакомым почерком.

«...Эта записка придет к тебе в тягостное время... Забудь, что между нами выстроена стена глупости, мы говорим с тобой сейчас, мы рядом... Они разлучили нас, но только мне и тебе дано понять: не разлучили, лишь отдалили и предали небытию суетные и вздорные дни глупых ссор и пустых обид, оставив нетронутым мир, существующий только для нас двоих... Все время внешней разлуки ты будешь со мной... Перед тем, как заснуть, очень-очень прислушайся, чтобы различить мой негромкий голос...»

ВТОРЖЕНИЕ В МОЗГ

Семен ГЛУЗМАН

В 1971 году, работая в одной из провинциальных психиатрических больниц Украины, я предложил трем своим коллегам оценить текст, в котором были, в частности, и следующие слова: «... так как природа положила, чтобы система небесных тел не срослась в сплошную массу и не разделила, снизойдя в печальное состояние порожденной природы, жребий земных тел, а была живым выражением разума и ее собственным отображением, то здесь порождается не реальное тело, а лишь идеальное, то есть возникает квадрат из криволинейного движения, и тело, в которое облекается линия планетной системы, есть не что иное, как площадь, описываемая небесными телами в их круговом движении».

Все трое ответили однозначно: «Шизофрения». Этот диагноз мои коллеги, немолодые интеллигентные люди, считавшиеся хорошими врачами, поставили... Гегелю. Так они оценили стрывок из его философской диссертации, перепечатанный на машинке.

* * *

То, что мы называем безумием, сумасшествием, психической болезнью, — часть нашего бытия. И касается оно каждого из нас, потому что гарантий, «прививок» от безумия, увы, не существует. Кто знает, что ждет его завтра...

Безумие — это болезнь, причины которой далеко не всегда понятны и сейчас, на исходе двадцатого века. Но любая болезнь требует к себе милосердия, участия, помощи. Особенно в тех случаях, когда больной себя не осознает, когда в состоянии умопомрачения он совершает поступки, осуждаемые моралью, законом.

Нравственное чувство утверждает однозначно: безумец, преступающий стыд и закон, не может быть назван преступником, он требует к себе милосердия и лечения. Не наказания, ибо было бы чистым безумием наказывать тюрмой галлюцинации и бред.

Психиатрия — отрасль медицины. Но ее история помнит многое: и тюрьмы, и цепи, и ножные кандалы, капающую на выбритую макушку воду, побои, издевательства и даже массовые умерщвления душевнобольных (эфтаназия в фашистской Германии).

Тысячелетний опыт человеческих цивилизаций не научил нас ни милосердию, ни приемлемой законодательной технике. Мораль и правоприменение очень часто находятся в антагонистических отношениях. Психиатрия в тоталитарном государстве как социальный, медицинский и правовой институт неизбежно осуществляет себя как звено тоталитарной системы.

Откроем обычный вузовский учебник «Детская психиатрия» (1973 год). Там на странице 139 читаем: «Сверх-

ценные идеи наблюдаются в клинике паранойяльного развития у больных паранойей». Банальное, неоспоримое утверждение? Да, все так... но есть на этой же странице другие слова: «Научные идеи, доминирующие в сознании ученого, фанатические идеи верующего представляют собой варианты переоцененных идей» (сверхценные и переоцененные — синонимы. — С.Г.)... Представьте: Архимед, Ньютон, Капица, Лютер, ревностные прихожане любых храмов при желании могут быть признаны душевнобольными. Кто же здоров? Ответ в такой психиатрической концепции прост: все, кто лишен каких-либо творческих желаний и потенций, кто слепо принимает любую власть как неоспоримую, кто исповедует воинствующий атеизм, кто — частица толпы. И в первом ряду такой психической нормы, несомненно, сам автор учебника — профессор Г. К. Ушаков.

Жестокий, классический тоталитаризм сталинщины к помощи психиатрии не прибегал. В этом не было нужды. Пуля и лагерь действовали вернее. Да и в мимикрии не было смысла — репрессии не скрывались, о судах и «справедливом возмездии» писали в газетах. Близкая моя родственница, тогда уже жена репрессированного «врага народа», уехавшая из своего города, долгое время жила на квартире у одной психически больной женщины, регулярно поставлявшей «информацию» на новых и новых впутанных ею в свой бред соседей, знакомых. И они исчезали в недрах ГУЛАГа, а психически больная «патриотка», получая свои заслуженные серебрянники, подкармливала вечно голодную мою тетю с ребенком, не ведая, кого кормит... Так жила Система. Извратив понятия нравственности и права, арестовывая и казня законопослушных граждан, она не гнушалась использовать в качестве юридических доказательств вины и абсо-

лютно беспочвенный бред разрушенных болезнью доносчиков.

Смерть Сталина приоткрыла занавес. Как внешний, так и внутренний. Оживали науки, возвращались выжившие в лагерях ученые. Переводились книги, статьи. Тоталитарное государство, одной из неотъемлемых особенностей которого является самопожирание, аутоагрессия (а как иначе расценить миллионы репрессированных граждан, разрушенное сельское хозяйство?..), — это государство прежним быть не могло. Единомыслие распалось, люди постепенно перестали бояться. Уставший, смягченный тоталитаризм не был способен на массовые репрессии. Тогда и нашли новый способ культивирования страха — использованием психиатрии.

Лагерь уже не были столь страшны — не более семи лет, свидания, письма родных, кампании защиты узников совести как в стране, так и за ее пределами. Некоторые уже не боялись, говорили и писали правду, сознавая неотвратимость ареста. Психиатрическое заключение — серьезнее, страшнее... Посудите сами: место — как правило, специальные психиатрические больницы МВД, закрытые от общественности психотюрмы; сроки — фактически неограниченные, процедурные ограничения продления срока были легко устранимы; условия — абсолютное тюремное заключение в камерах вместе с тяжелейшими безумцами-преступниками, издевательства персонала-уголовников, фактическое отсутствие права на жалобы, заявления, мощное, калечащее психику и тело «лечение» всем арсеналом современных психиатрических средств. И — ярлык «психа» на всю жизнь.

В стране торжествующего единомыслия, где нет социальной почвы для преступности, не должно было быть и политзаключенных, — их и не

было. «Уголовники» и «душевнобольные», лишь они мыслили иначе. Идеи о необходимости общественного переустройства квалифицировались ведущими психиатрами страны как «бред реформаторства», попытки голосом и пером добиваться справедливости в каких-то конкретных ситуациях, называть черное черным и белое белым квалифицировались как сутяжно-паранойальная декомпенсация. А душевнобольных у нас, как известно, не наказывали, решением суда милосердно направляли на лечение в спецбольницы МВД.

Постепенно становились известными горькие судьбы генерала Петра Григоренко, математика Леонида Плюща, биолога Жореса Медведева... Многие, очень многие боялись говорить, писать, протестовать. Основания «диагностики» не могли не ужасать: если ты математик, а интересуешься психологией, философией, пытаешься создать математический аппарат медицинской диагностики — ты шизофреник (Л. Плющ). Если ты добиваешься справедливости для крымских татар, пишешь, требуешь, выступаешь перед зданиями судов, — ты психопат-сутяга (П. Григоренко). Если ты добиваешься окончательного исследования и разоблачения лысенковщины, требуешь неукоснительного соблюдения прав человека в стране, — ты также психически болен (Ж. Медведев). У тебя «метафизическая интоксикация», если ты инженер (врач, математик, рабочий), всерьез интересуешься философией; «расщепление личности» — если ты биолог, но пишешь стихи (из диалога Ж. Медведева с психиатром); «обусловленный психической болезнью отказ от пищи» — если ты, доведенный до предела сил жуткими условиями психиатрического каземата и собственным бесправием, протестуешь объявлением голодовки (П. Григоренко).

Психиатрический мир цепенел от ужаса и непонимания, а наши «ученые» успешно защищали диссертации и открыто публиковали «научные» статьи, материалом для которых служили, в частности, и здоровые, и не очень здоровые люди, признанные душевнобольными и невменяемыми только потому, что не хотели, не сумели более молчать.

Вот еще «симптом» психической болезни. Речь идет о тех, кто признан невменяемым больным и направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу: «Судебное заседание они используют как трибуну для речей и обращений». Вспомним здесь Георгия Димитрова, использовавшего фашистский суд с этой же целью, — был ли здоров он?

Еще одна цитата: «Приведенный нами ранее анализ больных с бредом реформаторства показал, что у всех больных содержание такого бреда выходило за рамки узко межличностных отношений: оно касалось различных сфер жизни общества... Указанные больные писали многочисленные письма и жалобы в различные учреждения... Приведенные клинические особенности болезненного состояния в сочетании с аффективной охваченностью больных своими идеями при сохранении в ряде случаев внешне упорядоченного поведения обуславливали повышенную их социальную опасность и определяли необходимость направления таких больных на принудительное лечение в психиатрические больницы специального типа».

* * *

Мне повезло с Учителем. Славной памяти профессор Исаак Аронович Мизрухин постоянно говорил нам, первокурсникам-кружковцам: «Психически больной человек лишен всего: семьи, друзей, перспектив. Он беззащитен. И психиатр, в первую оче-

редь, должен быть другом своего больного, его защитником. Иной защиты у больного не будет. Злым, нечестным людям не должно быть места в психиатрии». Это было главным, основным из усвоенного мною в институте.

Я был юн и открыт. Практическая психиатрия встретила меня обыденностью, дефицитом эффективных лекарств... Холодом и слякотью.

Не знаю, каких учителей имели мои пожилые коллеги, ничтоже сумняшеся «ошизофренившие» Гегеля. Об этом они не говорили. Добрые, искренние люди, вразумлявшие меня в «мудрости выживания и осторожности», они спокойно назначали больным давно просроченные медикаменты («а что же делать, такие поставляет нам в больницу аптекоуправление»), никогда, ни под каким видом не занимались психотерапией (и не умели, и не хотели уметь, и времени на это, действительно, не было), и писали, писали... Десятки историй болезни, процедурные листы, встречи с

родственниками больных. И так всю жизнь.

Да, они были искренни, когда ставили Гегелю диагноз. Я лгал им, а они были искренни. И это, на мой взгляд страшнее всего. Они же, бедные, никогда не прочитали ни единой странички настоящей «неклассовой» философии. Рабство, увь,—это состояние души.

Никто, никогда, ни в каком свободном обществе не может гарантировать абсолютное отсутствие злоупотреблений или невежества того или иного врача. Право—единственный гарант.

Но есть первый шаг, без него невозможны следующие. Грязь и сор оставляют за порогом, для этого подошвы вытирают о коврик. Очищают. Да, необходимо очиститься, осознать. Покаяться. Не сказав правду самим себе, мы не сможем измениться. Труднее всего говорить правду самому себе. Такая правда зачастую нестерпима. Но говорить ее надо, по буквам, по слогам, говорить обязательно.

СТРАХ...

Дмитрий ФУРМАН

Как День страха войдет в историю 25 февраля 1990 года. Демократически настроенные люди, которых жены отправляли на демонстрацию почти как на войну, боялись провокаций «Памяти», или даже не «Памяти», а тех таинственных «реакционных сил», которые где-то в недрах партаппарата и аппарата КГБ вынашивают дьявольские планы (как масоны и сионские мудрецы в фашистской мифологии) и готовят «кровавую баню». Как известно, прошло все предельно спокойно, без каких-либо намеков на провокации. Но сам факт выступления Рыжкова, призывов Верховного Совета СССР и руководителей творческих союзов, сосредоточения войск и милиции (в касках, чтобы нельзя было проломить голову камнями, и со щитами), водометов, машин с песком (чтобы нельзя было перевернуть), перегораживающих дорогу к Кремлю, приготовлений в больницах для приема раненых — все говорит о том, что правительство тоже боялось, и даже очень. Демонстранты боялись «кровавого воскресенья», а правительство — чуть ли не взятия Кремля народными массами под предводительством Юрия Афанасьева и Гавриила Попова.

При этом страх одних порождал страх других. Порожденные дикими слухами призывы «не поддаваться на провокации» убеждали людей, что провокации будут, и порождали но-

вые слухи. Все это — какой-то театр абсурда, комедия, которая очень легко могла перейти в трагедию, ибо нет людей более агрессивных и опасных, чем люди, находящиеся в паническом страхе. И сейчас, очевидно, всем — и демонстрантам, и руководителям правительства — стыдно, ибо они приняли друг друга за «кого-то другого», в темноте приняли соседского теленка за волка, и слава Богу, что еще не убили его со страху. Откуда же этот страх?

Отчасти, разумеется, он связан с влиянием кровавых событий в Румынии и в наших южных республиках. Однако дело далеко не только в этом. Во-первых, совершенно ясно, что ситуация в Москве совершенно иная, чем в Бухаресте, Баку и Душамбе. Во-вторых, страх начался задолго до 25 февраля.

Когда накануне вечером Москва опустела — все сидели по домам — наступила кульминация страха, который начался с начала перестройки, постепенно усиливаясь и заглушая эйфорию 1985—86 гг. Яркий социально-психологический документ, который сохранил для будущего страхи русского интеллигента перестроечного периода, — повесть А. Кабакова «Невозвращенец». Автор нагромождает кошмарные образы будущего: полуразрушенная Москва, банды, мусульманские террористы, фашистский православный диктатор и одновременно — съезд революционных пар-

тий. И в этой нелогичности особая ценность ставшей знаменитой книги, которая как бы выплескивает наружу образы, прячущиеся в «подсознании». И одновременно становится ясно, откуда взят «материал» этих образов: это образы революции 1917 года и гражданской войны, модифицированных современными реалиями.

Прошлое не проходит даром. Оно остается в памяти и формирует характер человека. Человек, которого зверски избили и изнасиловали, — уже не тот человек, каким он был до этого. То же самое и с народом. Народ, прошедший через 1917 год и гражданскую войну, 1930 год, 1937 год, — это другой народ, чем тот, каким он был раньше. 1917 год и все, что за ним последовало, — не только цепь событий, это еще и серия психических травм, приведших к глубокому неврозу нашей национальной психики. При малейшем намеке на ситуацию, аналогичную 1917 году, память вызывает всю цепь страшных картин, и сейчас наша психика переживает колоссальное напряжение. Мы находимся на пути к долгожданной свободе, но путь этот страшен, потому что мы уже однажды шли по этому пути и то, что случилось, вспоминать не только страшно, но и стыдно: само воспоминание об этом унижает наше человеческое достоинство. Мы идем и боимся; и хотим идти дальше, и в глубине души — не хотим, ибо знаем, что плохо кончим. Так, может быть, — пусть скорее кончается? Может быть, если кончится скоро, — будет не так страшно, а то, если зайти далеко, случится нечто жуткое, какой-нибудь новый Сталин.

Я думаю, что возникшие у нас в публицистике призывы к либеральной диктатуре, равно как и сама идея сильной президентской власти, связаны не только с разного рода рациональными соображениями, но и с этими страхами.

Однако, указав на 1917 год и последующую цепь событий как на причину нашего невроза, на психическую травму, являющуюся источником наших страхов, мы указали лишь на относительно поверхностную причину. Есть причины более глубокие. Прежде всего возникает вопрос о том, кто же нанес нам эту психическую травму? На этот вопрос есть два ответа: «русофобский» и «русофильский».

Первый ответ — «русофобский». Никто не наносил нам травм, никто нас не насиловал и не обманывал. Просто мы сами — такие, мы сами себя обманули и изнасиловали. Мы сами подготовили советскую историю всей своей предыдущей российской историей — нашим самодержавием, нашим крепостным правом, нашей государственной церковью, нашими бакуниными и нечаевыми. 1917 год был естественным порождением нашей культуры. Каковы мы, такова и наша революция (американцы — другие, у них и революция была другая, и Сталина не было). Задолго до революции мы были «городом Глуповым», «страной рабов, страной господ». И сейчас мы такие же. Мы обречены жить плохо, ибо не умеем работать. Мы обречены жить при диктатуре, ибо не умеем быть свободными людьми. Все наше прошлое, кроме ничтожно малого по времени периода с февраля по октябрь, за который нам пришлось заплатить сполна, — прошлое рабов, периодически устраивавших бунты, «бессмысленные и беспощадные».

Поэтому русофоб вздрагивает при словах «русский патриотизм». Он знает, что любовь к России и ее прошлому — это любовь к рабству, что для того, чтобы стать свободными, надо перестать быть русскими. Поэтому он глубоко убежден, что «Память» — это страшная сила, которой принадлежит будущее, что

Шафаревич — будущий официальный идеолог, а когда ему говоришь, что вся «Память» может поместиться в одном большом зале, а либералы собирают многие сотни тысяч, у него наготове возражение, которое я слышал уже много раз: «Большевиков тоже было мало».

Второй ответ — «русофильский». Мы прекрасный народ: добрый, честный, великодушный, но мы столкнулись с чужеродными злыми силами (евреи, масоны), которым удалось подчинить нас, использовать нас в своих дьявольских целях. По видимости, этот ответ — противоположный, но легко показать, что противоположность эта чисто внешняя, что русофильский ответ подразумевает нашу слабость. Из него вытекает, что мы народ большой и, может быть, даже добрый, но очень глупый. «Русофилы» — это те же «русофобы», прикрывающие свой комплекс неполноценности хвастовством, проецирующие во вне страх перед собственной слабостью и ничтожеством. За русофобией и русофилией стоит единый комплекс неполноценности, единый невроз нашего национального характера. (Поэтому они так легко переходят друг в друга. Человек не выносит ощущения своей неполноценности и начинает хвастаться, но хвастовство снова кончается пьяными слезами и самобичеванием.) Поэтому наш страх повторения семнадцатого года — лишь проявление значительно более глубокого страха самих себя, неверия в свои силы.

И очень легко показать, что хотя травмы нашей советской истории во много раз усугубили наш невроз, возник он задолго до революции. Он возник с наших первых столкновений с далеко ушедшим вперед Западом. Почувствовав, что мы «хуже», мы стали или пытаться перестать быть самими собой, с отвращением уничтожая все внешние признаки нашей

индивидуальности, как это делал Петр (в глубине души ощущая, что ничего сделать нельзя, как ни переодевайся, мы все равно останемся русскими и значит — неполноценными), или — заглушать свой комплекс неполноценности хвастовством. Русофобия и русофилия (которая — та же русофобия) неотъемлемы от нашей культуры, нашей национальной психики. Они есть уже в XVII веке, в петровское время, у западников и славянофилов. Теперешние споры «неозападников» и «неославянофилов» — продолжение очень старых споров, только ставших более болезненными от недавних психических травм, — споров, которые наша невротическая национальная душа ведет сама с собой. Это — невроз, и он мучителен и опасен, ибо, как любой невроз, мешает правильно оценивать происходящее, вызывает неадекватные реакции, особенно в кризисных ситуациях, когда более всего требуется спокойствие и хладнокровие. Что же делать с этим неврозом? Можно ли от него освободиться?

Мне думается, что освободимся мы от него очень не скоро. Но мы можем научиться контролировать его, не давать ему хода, узнавать его проявления в периодически возникающих приступах страха и преодолевать их.

Для этого нам прежде всего надо осознать, что он есть и что он вызван вполне реальными причинами — особенностями нашей культуры, затрудняющими наше движение к современному демократическому обществу. Те немногие западные страны (Англия, Нидерланды, Америка), которые в силу специфики своей уникальной культурной традиции первыми достигли зрелой стабильной современной демократии, создали тем самым для нас и вообще для всего мира модель того, каким должно быть нормальное современное общество. Не стремиться к этой модели нельзя — и потому,

что с ней неразрывно связан высокий технический и экономический уровень, к которому стремятся даже те, кто не хочет свободы, и потому, что стремление к свободе в конечном счете присуще человеку. Не стремиться к этой модели невозможно так же, как подростку невозможно не стремиться стать взрослым. Однако нам, с нашей совсем иной, чем западноевропейская, культурной традицией, достичь «взрослой» нормы трудно.

Мы действительно не очень-то умеем быть свободными, и наша революция — действительно, порождение нас самих, нашей культуры. И хотя сейчас наш невроз многократно преувеличивает опасности, они все же есть. Констатация этого — еще не русофобия, это просто — констатация факта, как утверждение подростка, что ему трудно, например, дается математика, — еще не фобия, не невроз, наоборот, это та трезвая оценка трудностей, без которой невозможно их преодоление. Но здесь очень легко может возникнуть невроз: если подросток после серии неудач решит, что он хуже всех, всех никчемнее, у него опустятся руки, и он вообще перестанет учиться. Поэтому надо не только понять трудности, но и понять, что они должны быть преодолены, могут быть преодолены и в конечном счете непременно будут преодолены.

Здесь очень много значит пример других. Относительно легко и быстро достигли «взрослой нормы» лишь очень немногие страны. Большинство же преодолевало и преодолевает разные трудности — разные и по степени, и по характеру, как различны трудности детей, стремящихся достичь модели «взрослости» (один никак не может овладеть математикой, у другого особые сложности с половым созреванием и т. д.). Точно так же индийские трудности — совсем иные, чем китайские, наши — иные, чем латиноамериканские. Но трудности были

или есть у всех. И «эксцессы» взросления были у всех — в той или иной степени.

Мы слишком много думаем о себе, о наших бедах, и как-то забываем, что даже французы, которые сейчас для нас — образец стабильной демократии, достигли стабильности лишь в середине нашего века, что ведь им тоже пришлось пройти через Робеспьера, Наполеона, Реставрацию и еще три революции и Парижскую Коммуну. Не говоря уже о немцах, об испанцах, история которых в XIX веке — история сплошной гражданской войны, а в этом веке у них тоже — гражданская война и Франко. А всех ужасов латиноамериканской истории мы просто не знаем — у нас ее не преподают. И все эти кровавые «эксцессы» процесса демократизации неотделимы от разного рода «неврозов», естественных для этого процесса, как подростковые неврозы естественны для процесса взросления. Наш невроз отнюдь не исключение.

Достаточно прочитать Маркеса, чтобы понять, как страшен внутренний мир у латиноамериканской души, как она ощущает безнадежность своей истории, истории стран, которые никак не могут стать такими, как их северный сосед, которые никак не могут вырваться из бедности и выйти из порочного круга непрочных демократий, сменяемых безумными диктатурами. Достаточно прочесть Лао Шэ, чтобы увидеть все страдания китайца, доходящие до глубокой ненависти и презрения к своей культуре, к своему народу, к самим себе. Без мук перехода к стабильной демократии нет практически нигде. И тем не менее, этой стабильной демократии достигают все новые и новые страны.

За первыми странами протестантской Северной Европы и Америки после многих мук и крови к ней пришли католическая Южная Европа и Германия, приходит Латинская Америка.

Сейчас демократия охватывает весь мир. Демократические институты укореняются в Турции и Таиланде, Индии и Алжире, Египте и Индонезии. Укоренятся они и у нас. Укоренятся, даже если мы менее предрасположены к демократии, чем Турция или Алжир (что очень сомнительно). Укоренятся просто потому, что как ни трудно взросление, зрелость неминует.

И еще нам надо четко понять, что через все наши муки и беды шел процесс нашего развития, и сейчас мы значительно ближе к демократической взрослой норме — по своему уровню образования, своей социальной структуре, всему состоянию нашего общественного организма — чем в 1917 году. Навязчивое воспоминание о нашем провале мешает нам выполнить задачу, к которой объективно мы сейчас во много раз более подготовлены, чем раньше. Сейчас

единственное, что нужно, — это спокойствие и трезвость, и мы обретем эту норму, не обрести которую в конечном счете просто нельзя.

Но окончательно излечиться от невроза можно будет лишь тогда, когда мы действительно придем к общечеловеческой норме, станем нормальным обществом. Тогда исчезнут и русофобия и русофилия, как нет англофобии и англофилии у англичан, нет американофобии и американофилии у американцев, как исцелились (хотя и страшной ценой) от германофобии и германофилии немцы. Тогда мы перестанем стыдиться себя и бояться себя. И может быть, 25 февраля, когда все оказалось не так страшно, когда мы поняли, что на самом деле мы значительно взрослее, цивилизованнее, нормальнее, чем мы сами о себе думаем, будет одним из шагов в нашем исцелении от страха перед самими собой — от русофобии.

(Окончание со стр. 14)

по АЭС в Армении? Между тем, противоборствующие стороны в Закавказье уже применяют боевые вертолеты, танки и зенитные орудия...

Хрупкость и уязвимость советской экономики, включающей атомную и химическую промышленность, производство биологического (бактериологического) оружия в условиях обострения межнациональной розни чреваты новыми и новыми Чернобылями. Однако это — лишь первый взрывоопасный слой. Варварские, почти откровенно колониалистские методы, с помощью которых Москва пытается спасти империю от развала, вызывают радикализацию национа-

листических движений в республиках, умножают число реальных экстремистов. Следствием такой политики могут стать потоки крови как в процессе самоопределения закавказских и среднеазиатских народов, так и после него — в национальных войнах между мусульманами и христианами, а также внутри мусульманского мира. Происходящий на наших глазах неуправляемый развал советской империи, весьма вероятно, породит полную дестабилизацию обстановки и нарушение сложившегося баланса сил во всем огромном Закавказско-Среднеазиатском регионе.

Бюллетень „Век XX и мир” № 5 (на русском языке) ежемесячный.

Напечатано в СССР. Типография изд. АПН. 107005. Москва, ул. Фр. Энгельса. 46.

Сдано в набор 16.03.90. Подписано в печать 11.04.90. В — 04435.

Заказ 846. Объем 3 п. л.

Отпечатано в типографии № 6. Тираж 220000 экз.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■ XX CENTURY AND PEACE ■ LE XX^È SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

